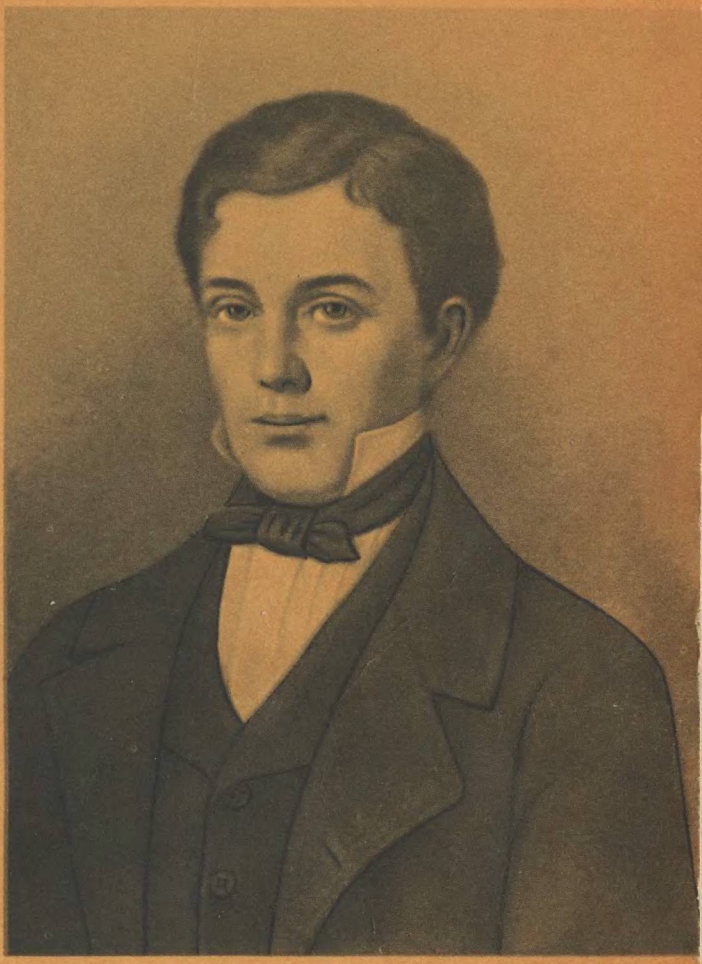

К. Ф. ФЕДЮКИН

Владимир Павлович ВРАСССКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

К. Ф. ФЕДЮКИН

Владимир Павлович
ВРАССКИЙ

1829–1862

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1970

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Докт. техн. наук *Л. Д. Белькинд*, докт. биол. наук *Л. Я. Бляхер*, докт. физ.-мат. наук *А. Т. Григорьян*, докт. физ.-мат. наук *Я. Г. Дорфман*, акад. *Б. М. Кедров*, докт. экон. наук *Б. Г. Кузнецов*, докт. биол. наук *А. И. Купцов*, чл.-корр. АН СССР *С. Р. Микулинский*, докт. ист. наук *Д. В. Озноби шин*, докт. физ.-мат. наук *И. Б. Погребысский*, канд. техн. наук *З. К. Новокшанова-Соколовская* (ученый секретарь), докт. хим. наук *Ю. И. Соловьев*, канд. техн. наук *А. С. Федоров* (зам. председателя), канд. техн. наук *И. А. Федосеев*, докт. хим. наук *Н. А. Фигуровский* (зам. председателя), канд. техн. наук *А. А. Чеканов*, докт. техн. наук *С. В. Шухардин*, докт. физ.-мат. наук *А. П. Юшкевич*, акад. *А. Л. Яншин* (председатель), докт. пед. наук *М. Г. Ярошевский*.

Ответственный редактор
П. Н. СКАТКИН

2-10-2
66-69 (н.-п.)

ВВЕДЕНИЕ

Владимир Павлович Врасский, ихтиолог и рыбовод, основоположник научно поставленного рыбоводства и создатель первого в России рыбоводного завода, принадлежал к той категории подвижников, имена и дела которых остаются в памяти людей на долгие времена. Это был оригинальный ученый-опытник, открыватель новых путей в познании и преобразовании природы. Он очень много дал русскому рыбоводству и биологической науке, но его заслуги перед отечеством, к сожалению, оценены еще не в полной мере.

Нельзя сказать, что о нем мало написано. В прошлом столетии, например, научным открытиям Врасского и его практической деятельности посвящали свои статьи и доклады видные ученые и публицисты. Его имя нередко встречается в современной научной литературе, в справочных изданиях, в ряде учебников и руководств по общей зоологии, ихтиологии и рыбоводству.

Но, во-первых, эти статьи, доклады и учебные руководства разрознены и по времени, и по месту издания. Сведения об ученом, содержащиеся в этих публикациях, не собраны воедино, не систематизированы. Во-вторых, научные и популярные работы о Врасском в абсолютном боль-

шинстве случаев опубликованы в специальных изданиях — в ученых записках научных обществ или государственных институтов — и для массового читателя практически недоступны. Исключение в этом отношении составляют лишь некоторые труды современных авторов и, может быть, одна важная работа, вошедшая в книгу К. Ф. Рулье «Избранные биологические произведения» (М., 1954). В-третьих, во всех этих сочинениях — и в научно-исследовательских, и в популяризаторских — бедны биографические сведения об основоположнике научного рыбоводства. В ряде случаев отсутствуют сведения о раннем периоде жизни Врасского, т. е. о его детских и юношеских годах, о его учебе в гимназии и в университете, о начале производственной и научной деятельности. Достаточно сказать, например, что до сих пор не было известно, в каком городе жил и в какой гимназии учился Врасский до поступления в Дерптский университет.

Как правило, исследователи научного творчества русского рыбовода не прибегали к архивным документам. Правда, Н. Данилевский и Ф. Судакевич в свое время отчасти пользовались казенными бумагами департамента земледелия, когда они еще не были сданы в архив. В последние годы с этими источниками знакомился П. Н. Скаткин. Но многие архивные документы о В. П. Врасском до сих пор не были известны и поэтому не использовались в указанных работах. А это обедняло наши представления о человеке, жизнь которого оборвалась слишком рано, но была ярка и поучительна.

В. П. Врасский принадлежит русской науке, русской истории. И чтобы определить его место, его историческую роль в науке, чтобы как-то воссоздать образ ученого, узнать подробности его недолгой кипучей жизни, — для этого надо не только в воображении перенестись в прошлый век. Необходимо прежде всего прикоснуться к подлинным документальным источникам, в том числе к архивным бумагам, так или иначе относящимся к жизни

и деятельности талантливого ученого-рыбовода. На наш взгляд, все эти литературные и другие документальные свидетельства можно подразделить на четыре основные группы.

1. Научные и научно-популярные труды самого Врасского, его современников, учеников и последователей, опубликованные с конца 50-х годов XIX в. до 1917 г. Тут прежде всего надо назвать «Извлечение из переписки с В. П. Врасским», опубликованное в «Записках Комитета акклиматизации животных», а затем перепечатанное в несколько сокращенном виде в «Новгородском сборнике». Это единственный печатный труд, принадлежащий перу самого ученого. Небольшой по объему, он написан с большим знанием дела. В нем автор раскрыл содержание своих научных исследований и разработанных им практических приемов рыбоводства.

Рядом с этим оригинальным сочинением следует поставить «Донесение членов комиссии для освидетельствования рыбного завода г. Врасского», написанное К. Ф. Рулье, С. А. Усовым и Я. А. Борзенковым по горячим следам их совместной поездки осенью 1857 г. на Никольский рыбоводный завод, основанный В. П. Врасским. Донесение было опубликовано в «Журнале сельского хозяйства», а также отдельной брошюрой. Позднее этот труд перепечатывался во многих отечественных и зарубежных изданиях. Полный текст его вошел в упомянутую книгу проф. Рулье. Обстоятельность и научная глубина отличают это своеобразное произведение.

Среди литературных источников этой группы следует назвать труды К. Ф. Кесслера, Н. Я. Данилевского, Н. Богословского, Ф. Судакевича, В. П. Ласковского, О. А. Гримма, К. К. Гильзена, А. А. Лебединцева, Н. Н. Пушкарева и др. Оценки этих работ в необходимых случаях даны в тексте тех или иных глав, а точное библиографическое описание — в списке использованной литературы.

2. Статьи и другие научные произведения послеоктябрьского времени, посвященные Врасскому и созданному им Никольскому рыбоводному заводу. Эти печатные труды, как правило, значительно выигрывают в своем качестве по сравнению со многими дореволюционными публикациями. Во-первых, они написаны с учетом новейших достижений биологической науки и практики современного рыбоводства. Во-вторых, события давно минувших лет, социально-экономические условия, в которых жил и работал Врасский, его заслуги перед Россией, перед отечественной и мировой наукой — все это здесь освещено с более четких позиций советской историографии, хотя, конечно, и тут не все договорено и не все написанное одинаково ценно.

Самой обстоятельной в этой группе источников является книга П. Н. Скаткина «Биологические основы искусственного рыборазведения». В ней немало страниц посвящено глубокому анализу научно-производственной деятельности Врасского и основанного им рыбоводного завода. Известную ценность представляет работа М. И. Тихого «Столетие Никольского рыбоводного завода». И. В. Кучин, М. П. Сомов, Б. И. Черфас в отдельных трудах освещают открытия Врасского и деятельность его рыбоводного завода.

3. Архивные документы 20—60-х годов XIX в., относящиеся к личности В. П. Врасского и к ранней истории Никольского завода. Без этих материалов нельзя было бы сколько-нибудь подробно описать жизнь ученого-экспериментатора.

Основные неопубликованные и мало кому известные документы о Врасском хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ) и в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР (ЦГИА ЭССР). В первом наибольший интерес представляют фонды департамента земледелия Министерства государственных имуществ (ф. 398), Воль-

ного экономического общества (ф. 91) и департамента герольдии Сената (ф. 1343). Здесь нами обнаружены ценные документы, содержащие сведения о развитии рыбоводства в России и, в частности, на Никольском заводе. Найдены официальные письма, отношения, адресованные Врасскому, а также бумаги за собственноручной подписью ученого. По архивным документам удалось воспроизвести родословную семьи Врасских, а также получить биографические сведения о многих лицах, с которыми у Владимира Павловича были родственные, дружеские, научно-творческие или официально-деловые отношения.

Исторический архив Эстонии в г. Тарту хранит документы Дерптского (ныне Тартуского) университета, в котором учился Врасский, а также документы бывшей Дерптской губернской гимназии, в которой он был вольноприходящим воспитанником. Здесь основную ценность представляют университетские бумаги (ф. 402). Из них в первую очередь нами использованы личные дела самого Врасского, его друзей-студентов и некоторых профессоров и преподавателей, а также печатная книга «Academicum», представляющая собою хронологическое изложение кратких сведений о всех студентах университета.

4. Различные справочные издания от середины прошлого столетия до наших дней, в которых содержатся какие-либо сведения об ученом-рыбоводе или о людях и событиях, имеющих прямое отношение к нему и к созданному им заводу. Эти издания в большинстве своем устарели, но для исторических исследований они полезны. Вместе с современными изданиями эти старые книги дали возможность пополнить сведения как о самом ученом, так и о людях, с которыми он общался.

Кроме того, нами были использованы источники, которые нельзя отнести ни к одной из перечисленных групп. Это, например, «Привилегия, выданная на имя отставного коллежского секретаря Врасского» (1859), картотека Б. Л. Модзалевского (Пушкинский дом) и т. п. Различна

ценность сведений, взятых из этих источников, но все они тоже были необходимы при создании более или менее подробной биографии замечательного русского ученого-рыбовода.

Книжка эта документальна, хотя, конечно, в некоторых случаях в ней встретятся неизбежные авторские «допуски». Там, где разрывалась цепь событий, где недоставало прямых документальных подтверждений, приходилось прибегать к предположительным суждениям. Но таких предположений немного, все они так или иначе оговорены в тексте. Они не просто выдуманы, а логически выведены из содержания архивных бумаг и печатных изданий. Следовательно, некоторые авторские «допуски» тоже не выходят за рамки документальности. А без них не обойтись. Без них по сути дела невозможны обобщения, отбор и оценка исторических фактов и событий.

КОРНИ СТАРИННОГО РОДА

В. П. Врасский родился 26 августа (7 сентября) 1829 г. в дворянской семье, в имении Никольское Демянского уезда Новгородской губернии. Как сказано в консисторских записях, 28-го числа того же месяца он был крещен в церкви села Пестово,[1] расположенного поблизости от Никольского.

Первые сведения о Врасских в отечественной истории относятся к середине XIV столетия. В то время двое из них служили воеводами и участвовали в военных походах Ивана Грозного. В XVII—XIX вв. род Врасских представлял собой типичную дворянскую фамилию, в которой представители мужского пола в большинстве были офицерами.

Поручик Николай Александрович в конце XVIII в. вышел в отставку. Это — дед будущего ученого-рыбовода, пензенский помещик, владевший землями и крепостными крестьянами в ряде губерний России. У него, кроме четырех дочерей, было два сына — Владимир и Павел.

Павел Николаевич, как и многие его предки, в молодости служил в русской регулярной армии. Ему довелось быть активным участником Отечественной войны 1812 г. Но потом он оставил военную службу, выйдя в отставку в звании прапорщика. После раздела отцовского наслед-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 18, д. 4593, л. 43.

ства ему досталось пять усадеб в Тверской, Симбирской и Ярославской губерниях.[2] Крестьян у него оказалось около 60 мужских душ. Имущественное состояние Павла Николаевича улучшилось, когда он женился на дочери богатого новгородского помещика Н. Я. Толстого, коллежского советника.

В свое время императрица Елизавета Петровна принесла в дар дворянскому роду Толстых 20 000 десятин земли. Видимо, если не все эти угодия, то большая часть их была на Валдайской возвышенности, в Новгородской губернии. Переходя по наследству, все эти земли достались Николаю Яковлевичу. А после его смерти, в 1813 г., землю и все ценности на ней поделили между собой его дети — три сына и пять дочерей.

Старшая дочь Александра, тогда еще несовершеннолетняя, получила в свое владение Никольское — тихий, лесом затененный уголок земли у озера Велье. Через несколько лет молодая помещица вышла замуж за Павла Врасского. В Никольском молодожены и поселились на всю жизнь. Здесь у них родились и выросли дети — Алевтина, Варвара, Владимир, Николай, Аглая, Зинаида. Будущий рыбовод был третьим по счету ребенком в семье и старшим из сыновей.

Ранние детские годы он пробыл на руках у нянек, а в 1838 г. Павел Николаевич, отставной прапорщик, чиновник 14-го класса решил отдать старшего сына в учение — «куда случай дозволит», как заявлял он в одном своем прошении.[3] И «случай дозволил» определить его в Дерптскую гимназию, далеко от родных валдайских мест. Это было, очевидно, уже в 1839 или 1840 г. А года через четыре в эту же гимназию в Дерпте был определен Николай, его младший брат.

Сказав коротко о родословной и о месте рождения В. П. Врасского, необходимо оговорить некоторые отдельные ошибки и неточности, которые допускались, а нередко и теперь допускаются в литературе о нем.

Прежде всего встает вопрос: как все-таки правильнее писать и произносить — «Врасский» или «Враский?».

---

[2] Там же, лл. 37, 38.

[3] ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. 27905, л. 4.

Пишут часто и так и этак. Большинство исследователей, однако, предпочитают писать эту фамилию через два «с», находя это более соответствующим истине. Но как доказать это? М. И. Тихий заметил в сноске: «По единственному официальному документу, имеющемуся в нашем распоряжении, фамилию Врасского следует писать через одно „с“, однако в большинстве литературных источников, а также в БСЭ принято написание „Врасский“» (Тихий, 1954). Но каждый, кто заглянет в Большую Советскую Энциклопедию, сможет убедиться, что фамилия ученого там обозначена двояко — и через одно, и через два «с». В том и другом виде она много раз встречается как в литературе, так и в архивных документах. Нынешние представители старинного рода по всем официальным документам значатся как «Враские». На наш взгляд, все-таки правильнее произносить и писать «Врасский». Это полностью согласуется с первоначальным звучанием старинной фамилии. В давние времена ее произносили не иначе, как «Вразской».[4] Так она значится в архивных бумагах, относящихся к XVIII в. и к более раннему времени. В некоторых случаях через «зс» писали и в XIX столетии.[5] Фамилия «Вразской» вполне естественно, по лингвистическому закону ассимиляции, должна была трансформироваться в «Врасский».

Далее, иногда в печатных трудах Александра Николаевна, мать В. П. Врасского, именуется как урожденная графиня Толстая, а ее отец — как граф Толстой. Так сказано, например, в книжке И. В. Аничкова «Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии». Потом это стали повторять некоторые другие авторы. На самом деле ни этот помещик, ни его старшая дочь не носили графского титула. Путаница тут, очевидно, произошла оттого, что младшая дочь дворянина Н. Я. Толстого, Анна, сестра Александры Николаевны, вышла замуж за г р а ф а Сергея Дмитриевича Толстого. Он поселился в имении уже умершего тестя, в Новогеоргиевском Демянского уезда. И титул нового владельца усадьбы по недоразумению стали приписывать его родственникам по линии жены.

---

[4] ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 22, д. 7750, лл. 2, 3; ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. 27904, л. 7.

[5] ЦГИА ЭССР, ф. 386, оп. 2, д. 46, л. 120.

Наконец, еще одно замечание. Во многих печатных изданиях, а также в некоторых архивных бумагах можно встретить сокращение: «с. Никольское». А что, собственно, означает здесь маленькое «с»? Что это — «село»? В иных случаях Никольское названо именно селом.[6] Но это недоразумение. Все сведущие авторы под сокращением «с. Никольское» имели в виду сельцо Никольское. Сельцо — и не больше, потому что число жителей там во все времена было незначительным. Там никогда не было церкви, которая раньше отличала село от деревни или хутора. Никольское при жизни В. П. Врасского представляло собой дворянскую усадьбу, помещичье имение, в котором во второй половине 50-х годов возник рыбоводный завод. А с конца 60-х годов XIX в., когда завод перешел в ведение Министерства государственных имуществ, оно по своему специальному назначению превратилось в небольшой заводской поселок. Таким поселком Никольское остается по сей день. Стало быть, давно устаревшее, почти вышедшее из обихода нарицательное имя «сельцо» к нему не только не подходит теперь, но и не совсем подходило раньше. Поэтому для 20—60-х годов прошлого столетия Никольское лучше называть имением, усадьбой, а для более позднего времени — заводским поселком, или просто поселком.

В ДЕРПТЕ

Гимназические годы Врасского пока мало изучены. Они — «белое пятно» в его биографии. Это связано с тем, что он не состоял в числе штатных воспитанников Дерптской гимназии, а был там в качестве вольноприходящего. Поэтому имя его обычно не значилось в списках учеников и в экзаменационных ведомостях.

Жил он на частной квартире. Каждое лето, в каникулярный период, уезжал в родное Никольское. Обычно директор гимназии Э. Гаффнер, будущий ректор Дерптского университета,[1] подписывал ему пропуск на проезд из При-

---

[6] См.: ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 18, д. 4593, л. 43.

[1] Ректором Гаффнер не избирался, а был назначен правительством в период реакционного «нажима» на университеты в 50-х годах XIX в.

балтики на Новгородчину. Вот один из таких документов (за № 465 от 5 июня 1846 г.):

> «От Дерптской губернской дирекции училищ... свидетельствуется, что предъявитель сего, чиновника 14-го класса, дворянина и помещика Павла Николаевича Вразского сын Владимир Вразский, вольно приходящий воспитанник Дерптской губернской гимназии, мною уволен до 1-го числа августа месяца сего года в Тверскую губернию, почему и прошу г. г. начальствующих по дороге чинить ему свободный туда и обратно пропуск.
>
> *Гаффнер*».[2]

В этом обычном канцелярском документе, быть может, надо объяснить только одно: почему юный Врасский увольнялся на этот раз не в Новгородскую, а в Тверскую губернию? Дело в том, что у Врасских были там имение Хомутово и дер. Александрово-Филатово.[3] Видимо, гимназист приезжал и туда в дни своих каникул. Путь этот был не близок, особенно если учесть тогдашние средства передвижения. Из Эстляндии надо было на лошадях пересечь Псковщину и почти всю Новгородскую губернию, чтобы приехать в родовое имение, к берегам Велье-озера. И уже отсюда с кем-нибудь из родных или из крепостных крестьян можно было отправиться через Валдай под самую Тверь, где находилось Хомутово.

Что дала Врасскому гимназия?

Как и все гимназии того времени, она давала воспитанникам довольно хорошие знания по арифметике, географии, всеобщей и русской истории. Там основательно изучались латынь, русский, греческий, немецкий и французский языки. Наряду с этим много и долго, во всех классах, со всей силой верноподданнического усердия преподавался закон божий.

Быстро пролетели гимназические годы, и перед юношей открылась новая заманчивая перспектива. В начале 1847 г. он успешно сдал вступительные экзамены и был принят в Дерптский университет, на камеральное отделение. Сначала оно было в составе философского, а затем юридического факультета. Позднее это отделение стало называться дипломатическим.

---

[2] ЦГИА ЭССР, ф. 386, оп. 2, д. 46, л. 120.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 18, д. 4593, л. 37.

Судя по всему, под своды храма науки Владимир Врасский пришел не безликой «единицей», пожелавшей носить студенческую куртку и зубрить мудреные формулы. Нет, это была оригинальная, по-своему яркая натура, хотя и не успевшая еще раскрыть своих дарований. Как это часто бывает с людьми талантливыми, в юные годы он много раз находился в разладе с самим собой. В нем сталкивались очень противоречивые наклонности и привычки.

С одной стороны, положение вольноприходящего гимназиста заметно разбаловало его. Он жил вдали от родительского досмотра, в стороне от гимназического начальства, был предоставлен самому себе — и это не проходило даром. Постепенно в нем зарождались черты недисциплинированности. Когда-то смирный и застенчивый барчук, он в годы пребывания в Дерпте бывал вспыльчивым забиякой.

Однажды, будучи студентом-первокурсником, Врасский ударил на улице одного молодого горожанина. Это было в начале 1847 г. За этот грубый проступок он получил наказание — трое суток строгого ареста. А позднее, как это видно из справки председателя суда, он еще два раза побывал под арестом, — правда, уже за менее тяжкие проступки.[4] Он сидел в карцере, расположенном на чердаке главного университетского корпуса. Стены этого мрачного помещения были испещрены «афоризмами» штрафников. Между прочим, одна из комнат карцера и теперь сохраняется в Тартуском университете в прежнем виде, как свидетель прошлого. Изредка туда приводят экскурсантов.

Иногда Врасскому просто нравилась праздность. В такие часы он бродил где-нибудь по набережным, улицам или подымался на знаменитую гору Тоомберг, стоящую в центре города и нависающую над университетскими корпусами. Там, в тени густых дубов и лип, на дорожках, петляющих вокруг высоченных стен древнего Петро-Павловского костела, он проводил немало времени. Случалось, что и кутил на холостяцких пирушках. Об одной такой студенческой пирушке, оставившей некоторый след в его судьбе, речь будет впереди.

---

[4] ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. 27906, л. 6.

Итак, одинокая, вольная и обеспеченная жизнь юного барина развивала в нем наклонности, которые никак не назовешь хорошими. Но, с другой стороны, независимое существование, видимо, помогало ему вырабатывать в себе вдумчивое отношение ко всему, что его окружало. Надо было самому решать многие жизненные вопросы, самому делать то, что дома сделали бы за него другие. Это влияло на студента благотворно. Постепенно он отучался от дурных привычек, воспитывая в себе человечность, пытливость и стойкую работоспособность.

Как свидетельствуют экзаменационные листы, хранящиеся в Эстонском архиве, учился он хорошо, получая на экзаменах высокие и очень высокие оценки.[5] Его общественные взгляды свидетельствуют о прогрессивном образе мыслей. Об этом можно судить хотя бы по его студенческим сочинениям. Вот одно из них, под названием «Смирна». Написанное наспех, коротко, оно уместилось всего на одном листке гербовой бумаги. По форме это как будто простой пересказ статьи из турецкого журнала, автор которой с большой похвалой отзывался о реформах в Османской империи при правлении молодого султана Абдул-Меджида. Сочинение прозрачно намекало на то, что даже султанская Турция в экономических и политических преобразованиях стала более гибкой по сравнению с крепостнической Россией, где формы правления застыли в своей неподвижности.[6]

В. П. Врасский был человеком образованным, обладал достаточно широкими знаниями. Но надо признать, что университет все же много недодал ему, как и другим студентам, по вопросам социологии, в области философских и других гуманитарных наук.

В лекционных залах он слушал многих столпов правоведения, истории, филологии, богословия. Профессор Фридрих-Адольф Филиппи читал теологию, историю догматов, символику. А что от всего этого оставалось в голове студента? Экстраординарный профессор Людвиг-Генрих Штрюмпель говорил с кафедры о сотворении мира, о верховном разуме творца, о целесообразности и гармонии в царстве живой природы, о сущности человеческой души. Все это преподносилось сложно, туманно,

---

[5] Там же, лл. 9, 10.
[6] Там же, л. 7.

до разума и сердца не доходило, хотя начальство — вполне понятно — оценивало лекции Штрюмпеля очень высоко. Сам ректор университета, проф. Христиан-Фридрих Нейе, читал проще, но и в его устах древнеклассическая филология и история литературы выглядели далекими и маложизненными.

Разумеется, не только сами лекторы были повинны в насаждении идеалистических и догматических взглядов. Тут действовали более общие и глубокие причины, обусловленные всей социально-политической обстановкой тогдашней николаевской России.

В одном своем отчете ректорат в те годы отмечал, что профессора и преподаватели университета были охвачены стремлением подготовить из студентов «не праздных умников и книжных ученых, а верных служителей престола».[7] Это довольно откровенное признание: учебная кузница в Дерпте ковала опору царскому самодержавию. Правда, идеологическая подготовка служителей престола проводилась несколько своеобразно, с примесью лютеранского духа, который в то время насаждался в университете. Против этого царское правительство предприняло некоторые шаги. Но главная опасность русскому царизму грозила не отсюда.

Главное заключалось в росте революционных сил в стране. Лучшая часть студенчества проникалась идеями русской революционной демократии. До Дерпта доносился ветер революции 1848 г., и тогда министр просвещения П. А. Ширинский-Шихматов, с одобрения императора, провел ряд мер по усилению контроля над мыслями студентов, а также и профессоров. К концу пребывания Врасского на юридическом факультете уже готовилась печально знаменитая инструкция и секретное наставление ректору Дерптского университета об усилении борьбы с «разными социалистами и коммунистами», у которых «основная мысль — достижение безусловного равенства».[8]

Таково было влияние реакционных сил на всю официальную систему формирования общественных взглядов. Откуда же могла появиться особая жажда к так называемым гуманитарным знаниям, которые преподносились

---

[7] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 57, д. 397, л. 5.
[8] Там же, д. 340, л. 97.

тогда студентам? Скорее наоборот — влекло к тому, о чем умалчивали лекторы и что запрещалось знать.

Другое дело — точные и прикладные науки. На камеральном отделении готовили практических работников, по преимуществу управляющих для крупных государственных, удельных и помещичьих имений. Врасский, сам дворянин и состоятельный помещик, не совсем подходил для этой цели. Но он жадно изучал зоологию и ботанику, физику и математику, лесное хозяйство и финансы, технологию и архитектуру. Его влекло к стихийному материализму естественных и прикладных наук. Как большинство студентов, он жил тогда надеждами на будущее, той перспективой, которую открывало перед ним университетское образование.

Перед выпускниками императорского Дерптского университета широко распахивалась дверь в мир обеспеченности и привилегий. Одни из них рано или поздно становились крупными чиновниками двора и министерств, воспитателями великих князей, генеральными консулами и посланниками. Другие поступали на военную службу и потом появлялись на светских балах и в дворянских собраниях в генеральских эполетах. Третьи занимали профессорские кафедры в университетах и императорских лицеях. Четвертые выходили на арену литературного творчества.

В. П. Врасский, человек пытливого ума, увлекающийся, в студенческие годы настойчиво искал свое место в жизни. Этим, видимо, можно объяснить то, что на последнем году обучения он загорелся было желанием посвятить себя дипломатической службе. Студентов камерального отделения жизнь все больше отдаляла от камералистики, склоняла то к дипломатии, то к правовым наукам, — и Врасский был в числе первых, кто с энтузиазмом пошел в новом направлении.

Тут, по всей вероятности, не обошлось также без некоторого влияния со стороны Н. К. Шлегеля. Это был однокурсник Владимира Павловича, лучший друг его студенческих лет, выходец из прибалтийских немцев.[9] Учился он отлично и увлекал друга своей жаждой к знаниям. Он был на четыре года старше Врасского, и это тоже

---

[9] ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. 21815 (личное дело студента Шлегеля); Academicum. Dorpat, 1889, стр. 372.

накладывало отпечаток на их дружбу. Но Врасский, в свою очередь, заражал его своей увлеченностью. Вместе прошли они университетский курс, вместе сдавали экзамены. И вместе, в конце июля 1851 г., представили на факультет свои диссертации: один на соискание степени кандидата дипломатических наук, а второй — кандидата правоведения.

В период подготовки Врасского к защите произошел один эпизод, который характеризует его способности и трудолюбие. Он уже был допущен к кандидатским экзаменам, более того — начал сдавать их. И вдруг произошла досадная заминка. Оказалось, что он не экзаменовался по французскому языку, хотя знал его неплохо. На камеральном отделении этого не требовалось. Но для будущего дипломата надо было знать французский в совершенстве. Поэтому М. П. Розберг, профессор кафедры русского языка и литературы, высказался за то, чтобы не допускать Врасского к кандидатским испытаниям.

Препятствие возникло немаловажное. Вопрос этот специально обсуждался на Ученом совете университета. В поддержку студента выступили декан юридического факультета проф. Э.-С. Тобин, профессора Л.-Г. Штрюмпель, К.-Э. Отто, К.-Л. Блюм. К ним присоединил свой голос ректор университета. И барьер, таким образом, был снят. Врасскому разрешили продолжать сдачу кандидатских экзаменов с добавочным требованием: в течение шести месяцев написать работу дипломатического характера на французском языке. И он представил сочинение о Венском конгрессе 1814—1815 гг.[10] Представил не через полгода, а через три месяца.

Потом Врасский работал над диссертацией под названием «Вооруженный нейтралитет 1780 года».[11] Этот труд, написанный на немецком языке, прежде всего строго документален. Основная его идея заключается в том, что лучше уж вооруженный нейтралитет, чем война.

Эта оценка относится к тому, что написано рукой В. П. Врасского и хранится в архиве, в личном деле диссертанта. Но есть основания считать, что эта рукопись — еще не сама диссертация. Скорее всего это черновой на-

---

[10] ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. 27906, лл. 13, 14.
[11] Там же, лл. 20—87.

бросок, вариант, строгий подбор документов, скомпанованных в логической последовательности, с отдельными авторскими добавлениями, мыслями, которые связывают эти документы в единое целое. Очень может быть, что диссертация в законченном виде еще не разыскана.

Защита диссертации состоялась в ноябре 1851 г. и прошла успешно. 1 декабря Владимир Павлович получил диплом кандидата наук.[12] Одновременно ему присваивались, в случае поступления на гражданскую службу, права и привилегии чиновника 10-го класса. По табелю о рангах этому соответствовало звание коллежского секретаря.

Но от государственной службы Врасский отказался, подав прошение об отставке. И в самом конце 1851 г. он, кандидат дипломатии, отставной коллежский секретарь, выехал из Дерпта в свое родовое имение.

НОВЫЙ СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИН

К сожалению, мы не знаем, как удалось В. П. Врасскому объяснить домашним, почему он отказался от служебной карьеры. Родителям, потомственным дворянам, очевидно, трудно было понять любые его доводы. Тем не менее они с готовностью передали ученому сыну обязанности по управлению родовым имением, понимая, что воспитанник университета, дипломат и камералист, сумеет повести дело лучше, чем они. Как отмечал В. П. Ласковский в своей биографической статье о Врасском, молодой кандидат наук, вернувшись в Никольское, сразу же взял на себя все заботы по хозяйству.

Но все-таки почему Врасский отказался от государственной службы, от карьеры, которая могла быть блестящей, и занялся... сельским хозяйством? Этот вопрос нельзя оставить без ответа. А в литературе он не освещен. Правда, на этот счет есть одно любопытное замечание О. А. Гримма. Будучи редактором «Вестника рыбопромышленности», он в 1889 г. написал «Дополнение» к статье В. П. Ласковского, опубликованной в журнале

---

[12] Там же, л. 14.

и посвященной русскому ученому-рыбоводу. Там сказано следующее:

«Считаю нелишним сообщить здесь рассказ одного из университетских товарищей В. П. Врасского, доктора Н. (к моему крайнему сожалению, я не помню фамилию его, но быть может он, прочитавши эти строки, откликнется) о том, что побудило Врасского заняться рыбоводством. Бывши еще в Дерпте, Врасский на одной студенческой пирушке поспорил с одним из своих товарищей, сыном богатого петербургского банкира, о том, что важнее — богатство или знание и труд. Молодой банкир утверждал, что с деньгами все достижимо, а без денег знание и труд ни к чему не приведут. Врасский же, наоборот, утверждал, что знание и труд все перетрут. Слово за слово, и между двумя буршами состоялось пари. Врасский брался доказать свою идею на деле, обещая с помощью труда нажить в 10 лет капитал в 100 000 рублей. И в случае неисполнения этого обязывался всех бывших при споре товарищей, где бы они ни были к тому времени, привезти всех на свой счет в установленный город и напоить допьяна шампанским. В противном же случае то же обязывался сделать молодой банкир.

«Приехав из Дерпта в свое имение, В. П. Врасский принял от матери хозяйство и со всей энергией начал заниматься им, думая полеводством и скотоводством нажить к 10-летнему сроку 100 000 рублей. Но вскоре он убедился, что хозяйство этого дать не может. И вот, прочитавши журнальную статью об искусственном разведении рыбы и увлекшись идеей возможности неограниченного обогащения водных бассейнов рыбой, Врасский кинулся на эту новую отрасль хозяйства, чтобы, как он выражался, „черпать золото ковшами“» (Гримм, 1889).

Это безусловно интересное свидетельство, за которое нельзя не быть благодарным: без него биография ученого лишилась бы яркой детали, одной примечательной страницы. Ведь это — документальная запись, сделанная со слов живого свидетеля, который был, надо надеяться, участником той памятной студенческой пирушки.

Вместе с тем дополнение О. А. Гримма страдает некоторыми неточностями; оно неполно рисует событие, которое, по его мнению, было поворотным в жизни ученого. Это «Дополнение» само нуждается в дополнениях и поправках.

Что можно узнать об участниках пирушки? Кто там был, кроме самого Врасского? Как звали сына банкира, с которым столкнулся Врасский в горячем споре? Кто такой доктор Н., которого запамятовал Гримм?

Сам автор «Дополнения» больше не ставил и не освещал этих вопросов. Его призыв откликнуться на примечание к статье В. П. Ласковского, видимо, остался без ответа, по крайней мере в печати такого отклика не появлялось. А нам хочется получить хоть какие-нибудь, пусть самые скупые сведения об участниках памятной студенческой встречи. Небезынтересно знать, кто были эти спорщики.

Вот перед нами — старое справочное издание «Academicum» и документы из университетских фондов архива в городе Тарту. Они в некоторой степени проясняют дело. Во всяком случае почти безошибочно можно сказать, что среди пирующих и спорящих были перечисленные далее лица.

1. Сам Владимир Павлович, студент юридического факультета.

2. Николай Шлегель, его однокурсник и друг, о котором уже говорилось выше. Возможно, что именно он рассказал Гримму о споре на студенческой пирушке. Он долго жил в Петербурге и в 1889 г., будучи уже 64-летним стариком, передал в редакцию «Вестника рыбопромышленности» небольшой в овале портрет В. П. Врасского, репродукция с которого в том же году появилась в журнале. Следовательно, Шлегель мог видеться с редактором журнала, разговаривать с ним на тему о студенческих годах основателя Никольского рыбоводного завода. Одно тут не согласуется: Н. К. Шлегель не был доктором наук. Он был чиновником таможни, суда, затем цензором и т. п. Ко времени опубликования гриммовского «Дополнения» он имел чин статского советника.

3. Мориц фон Энгельгардт, студент философского факультета, будущий доктор теологии.[1] Склонность к религиозной догматике, видимо, не мешала ему в молодые годы предаваться праздности и вакхическим забавам. Из университетских друзей Врасского он единственный впоследствии стал профессором и доктором (правда,

[1] Academicum. Dorpat, 1889, стр. 369.

доктором-богословом). Если О. А. Гримм не допустил ошибки в отношении ученой степени человека, рассказавшего ему о споре на студенческой вечеринке, то этим человеком мог быть М. фон Энгельгардт.

4. Владислав Ласский, студент камерального (к концу его учебы — дипломатического) отделения на юридическом факультете, сын польского банкира.[2] В университет он поступил на год позднее Врасского. В учебе преуспевал, готовя себя к тому, чтобы стать достойным наследником своего отца, крупного банкира в Варшаве.

По всей вероятности, именно с этим будущим финансовым заправилой и поспорил Врасский. Это можно утверждать потому, что в те годы никто из сыновей банкиров, кроме Владислава Ласского, не находился в стенах Дерптского университета. А он учился на одном отделении с Врасским. Вместе проводили они дни в учебных корпусах, часто встречались в свободное время. Между ними, как людьми разных наклонностей и вкусов, естественно, могли возникать принципиальные разногласия во взглядах на жизнь, на общественные ценности.

Доктор О. Гримм назвал студента, который преклонялся перед злотыми и рублями, сыном *петербургского* банкира. Это, конечно, ошибка, но она имеет некоторое оправдание. Отец студента, владелец банка в Варшаве, вел деловые связи со столичными банкирскими домами. Возможно, он имел там свои вклады. Сам В. Ласский значительную долю своих капиталов перекачал в столицу Российской империи, а впоследствии стал совладельцем и директором Международного Торгового банка в Петербурге. Значит, если он не был сыном петербургского банкира, то сам был петербургским банковским тузом.

Процитированное нами «Дополнение» д-ра Гримма грешит еще в том отношении, что в нем явно переоценена, завышена роль этого спора в жизни и в личной судьбе Врасского. Конечно, это событие нельзя сбрасывать со счета. На будущего рыбовода оно, видимо, произвело глубокое впечатление. Ему хотелось обязательно выиграть в этом споре. И тем не менее это был только спор, словесная стычка; вспышка горячих чувств. Тут Гримм (как, может быть, и сам Врасский) принял

---

[2] ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. 14343, лл. 1—11; Academicum, стр. 388.

повод за причину. Для Владимира Павловича пари с банкирским сынком могло быть только поводом к тому, чтобы круто изменить свой жизненный путь, чтобы оставить мысль о дипломатической карьере и заняться земледелием, а затем искусственным рыбоводством. Этот спор мог лишь до некоторой степени ускорить принятие такого решения. А причина заключалась в другом.

В чем же она состояла?

Быть может, Врасский отказался от государственной службы, не желая стать опорой царского трона? Нет, этого сказать нельзя. Не это повернуло его жизнь в другую сторону. Верно, что царская служба мало привлекала его в последний период учебы. Но до этого у него были вполне серьезные намерения посвятить себя служебной деятельности. Во всяком случае он, сын своего класса, никогда и не думал посягать на основные устои Российской империи. А от государственной службы он отказался потому, что чувствовал в себе иное призвание.

В то время Россия находилась в преддверии буржуазных реформ. Начиналась капитализация сельского хозяйства, которое было, несмотря на всю его отсталость, ведущей отраслью в экономике страны. Деревне нужны были новые культурные хозяева, способные вести земледелие и животноводство на научных основах. Их было тогда мало, по-настоящему грамотных хозяев и работников на земле. А русская земля ждала таких людей. И потому В. П. Врасский, родившийся в сельской местности, любивший природу, именно к этой отрасли решил приложить свой разум и руки.

Некоторое время, впрочем, он не предпринимал практических мер к перестройке своего хозяйства, во всяком случае не вносил решительных изменений в привычную жизнь Никольского поместья. Сначала надо было осмотреться, детальнее изучить возможности и наметить направление таких перемен. Управляя родовым имением, он определенно приходил к заключению, что все в нем надо переделывать, перестраивать на научной основе.

Пока дела еще не захватили его целиком, Врасский, следуя давно установившемуся обычаю, ездил к соседям-помещикам, присматривался к их методам хозяйствования. Бывал у родственников — у Толстых, живших поблизости в селах Новогеоргиевском и Велье, а также у тетушки своей П. Н. Жеребцовой, урожденной Толстой.

Она жила в селе Пестово и сама управляла имением. Эта помещица не раз ездила в страны Европы. Ей было о чем рассказать племяннику, в том числе, возможно, и относительно европейской экономики и новинок в сельском хозяйстве.

В первых числах марта 1852 г. Врасскому довелось еще раз побывать в Дерпте, куда он ездил для того, чтобы получить нужные документы из университетской канцелярии. Там были встречи с друзьями и знакомыми. Вернувшись из Дерпта, он вскоре предпринял поездку в Петербург. Хотя в то время уже работала Николаевская железная дорога, Врасский выехал в столицу на лошадях, по тракту через Новгород Великий. В Петербурге и Новгороде, не зная покоя, он хлопотал о покупке лучших для того времени сельскохозяйственных орудий — железных плугов, борон, веялок и т. д. Он узнавал, где можно раздобыть отборные семена; бывал на конных базарах и у владельцев конных заводов; приобретал агрономическую и экономическую литературу.

Все лето — первое лето своего хозяйничания — Врасский пристально изучал почву, ее структуру. Ему хотелось скорее понять, чего хочет земля-кормилица, чего ждет она от земледельца. Молодой хозяин еще нечетко представлял, к чему приведет его небольшая, в пределах одного помещичьего имения, земледельческая реформа, которую он задумал и начал осуществлять. Как видно из упомянутой статьи В. П. Ласковского, для Владимира Павловича было неоспоримо, что с трехпольем пора покончить навсегда. Вместо него он вводил у себя в хозяйстве многопольный севооборот.

Всю осень в Никольском шли строительные и полевые работы. На глазах у людей менялся облик усадьбы. На новом скотном дворе доделывались стойла и кормушки. Крепостные мужики приводили или пригоняли в Никольское молодых породистых лошадей, быков, нетелей, овец, закупленных Владимиром Павловичем. К будущей весне под пахоту готовились залежи. Раскорчевывались участки, заросшие ольхой, ивой и другими малоценными древесными породами. Вблизи господского дома сажались фруктово-ягодные и декоративные деревья и кустарники. Кроме мужиков, дворовых девок и подростков, во всех этих делах участвовал сам помещик, который обычно не чурался черновой и тяжелой работы.

Небезынтересно отметить, что некоторые деревья, посаженные самим В. П. Врасским, сохранились в Никольском до наших дней.

В начале 1853 г. в родовое имение возвратился Николай Врасский, младший брат Владимира Павловича. После окончания гимназии он пытался поступить в Дерптский университет, но на вступительных испытаниях, как обозначено в экзаменационном листе, он получил совсем неудовлетворительные оценки по математике и за сочинение на немецком языке. Летом того же года он повторил попытку поступить в университет — и опять безуспешно.[3] После этого он вплоть до своей ранней смерти оставался в Никольском. Старший брат, по всей видимости, рассчитывал на его помощь, но почему-то так и не обрел в нем настоящего помощника. Во всяком случае в литературе и в архивных бумагах не осталось никаких свидетельств о их совместной работе.

Как земледелец, В. П. Врасский по сути дела экспериментировал в одиночестве. Конечно, у него были помощники. Во всей хозяйственной перестройке он опирался на своих крепостных крестьян, если только они проявляли ум и живой интерес к новому делу. Такой опорой для него были, например, двадцатишестилетний дворовый человек Матвей Рулев и совсем еще молодой парень Карп Лебедев. Позднее И. К. Решеткин в своем прошении, которое он направил в департамент сельского хозяйства, характеризовал этих людей как старательных, исполнительных работников и просил выдать им денежную награду за их нелегкий и честный труд.[4] Но Врасскому эти неграмотные мужики по-настоящему стали помогать позднее, когда он занялся рыбоводством.

О его новшествах скоро узнали во всей округе. Как уже сказано, в период зарождения капитализма нужны были «новые хозяева», нужны были образцы. И в Никольское стали приезжать многие помещики и земледельцы-арендаторы, которым хотелось своими глазами посмотреть на диковинные нововведения. Здесь бывали

---

[3] ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. 27904, лл. 1 и 2.

[4] Прошение И. К. Решеткина в департамент сельского хозяйства о награждении некоторых служителей Никольского рыбного завода. ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 1, д. 10871, лл. 1, 2.

Унковские и Дирины, Загряжские и Вишняковы, графы Толстые и князья Щербатовы. По всей видимости, Никольское посещал и губернский предводитель дворянства князь А. И. Васильчиков, которого А. Голубев в биографическом очерке характеризовал как чопорного, холодного барина, автора книг по земледелию, слывшего приверженцем образцового хозяйствования.

Обмен мыслями с каждым из этих людей приносил определенную пользу. Но главным образом Врасский много и самостоятельно работал в хозяйстве. «Знания и труд все перетрут» — было его заветным правилом в поисках нового пути в земледелии.

Вскоре, однако, он начал убеждаться, что, занимаясь хлебопашеством и скотоводством, ему не достигнуть цели, которую он ставил перед собой. Общие условия земледелия в тогдашней крепостнической России сковывали хозяина-экспериментатора.

«ДЛЯ ОТЕЧЕСТВА И ДЛЯ СЕБЯ»

Как писал сам В. П. Врасский, в ноябре 1853 г. он узнал об открытии во Франции метода искусственного разведения рыб. Где узнал, откуда? О. А. Гримм свидетельствует, что из журнальной статьи, хотя точного названия этой статьи не приводит. Напротив, у Ласковского сказано, что на идею искусственного рыборазведения Владимира Павловича натолкнула не журнальная статья, а случайно прочитанная брошюра на французском языке.

В 1852—1853 гг. появился ряд статей и заметок об искусственном разведении рыб. Статьи эти печатались в отечественных и зарубежных журналах, особенно в немецких и французских. Свободно владея этими языками, Врасский имел возможность прочесть любую из доступных для него публикаций. Тогда же вышли из печати и отдельные брошюры по искусственному рыбоводству, и в первую очередь — книжка д-ра Гаксо, дважды изданная на французском языке.

Оригинальное открытие чрезвычайно заинтересовало Врасского. К концу 1853 г. или к началу 1854 г. он приобрел две книги по рыбоводству на французском языке,

автором которых был известный эмбриолог Жан-Виктор Кост, и сочинение д-ра Фрааса «Искусственное рыбоводство» (на немецком языке), а немного позднее — небольшую книжицу Гаксо в переводе с французского на немецкий, в издании Арнольда Гундерлиха. Хотя сам Врасский перечисляет эти произведения в такой последовательности, как они приведены здесь, мы все же начнем с последней — с брошюры Гаксо, потому что она в оригинале появилась раньше других и была первым обобщением опытов и ценного открытия французских рыбаков.

В издании Гундерлиха (Веймар, 1854) эта книжка называлась «Умножение рыб до бесконечности посредством искусственного оплодотворения икры молоками...» (к этим словам добавлялось несколько подзаголовков, так что полное название было довольно длинным и громоздким). В русском издании книжка вышла в 1859 г. под другим наименованием: «Искусственное оплодотворение и размножение всякого рода рыб, чрезвычайно любопытное и полезное открытие новейшего времени. Сочинение Гаксо, члена общества науки и искусств».

Брошюра д-ра Гаксо рассказывала о том, что во Франции, в департаменте Вогез, простой рыбак Жозеф Реми из деревни Ла-Бресс с успехом провел опыты по искусственному разведению форели. В искусственном осеменении икры и в других экспериментах, связанных с восстановлением запасов рыбы в местных речках, ему помогал сосед и друг Анри Жеэн. Вдвоем они выработали свой стабильный метод разведения рыбы. Это открывало путь к рыбоводству почти на всех больших и малых водоемах, особенно в реках, прудах и озерах. Автор брошюры рекомендовал опыт Реми и Жеэна всем желающим.

Но популяризаторская книжка Гаксо не годилась как практическое руководство, потому что автор, ученый секретарь Вогезского общества поощрения науки и искусства, не сообщал детальных сведений о работе с икрой при ее искусственном осеменении, о кормлении мальков и т. п. Практические советы для рыбоводов содержались в сочинении К.-Н. Фрааса, а еще больше — в книгах Ж.-В. Коста, который лично сам проверил и немало усовершенствовал метод вогезских рыбаков. По его на-

стоянию и под его руководством в 1853 г. был создан первый во Франции и лучший в этой стране Гюнингенский рыбоводный завод. Сюда, к доктору Косту, приезжали учиться ихтиологи, практики-рыбоводы и рыбопромышленники многих стран мира. Печатные труды Коста по искусственному разведению рыбы получили в то время широкое распространение.

Объяснялось это не только авторитетом знаменитого эмбриолога, а также тем, что искусственное разведение рыбы в естественных водоемах в то время получало широкий размах и спрос на литературу по этому новому вопросу был велик. По развитию искусственного рыбоводства Франция сразу же заняла первое место, и потому, естественно, на книжном рынке предпочтение отдавалось произведениям французских авторов, освещавших сущность и перспективы новой отрасли хозяйства.

Искусственное рыбоводство, как новая и выгодная отрасль производства, в середине XIX в. развивалось довольно бурно во многих странах Европы и Америки. В 1854 г. во Франции было построено 20 рыбоводных заведений, а в 1859 г. их уже насчитывалось больше 70. Сам Луи Бонапарт, только что пришедший к власти, торжественно объявил о своем намерении «оживотворить все реки Франции» (Гримм, 1921). Король Нидерландов взял искусственное разведение рыбы под свое личное покровительство. Рыбоводные заводы по его желанию были сооружены близ королевских дворцов в окрестностях Гааги и Воса. Новым многообещающим делом заинтересовались правительства Швеции, Норвегии, Бельгии, Австрии, Швейцарии, Соединенных Штатов Америки, Баварии, Сардинии и других стран.

В России в то время, однако, никто в правительстве, в министерствах или в научных учреждениях пока не думал всерьез о развитии культурного рыбоводства на просторах великой страны. Были только немногие крупные ученые и энтузиасты-одиночки, которые стремились освоить новое дело. Из ученых-ихтиологов это были академик К. М. Бэр, проф. К. Ф. Рулье, проф. К. Ф. Кесслер, а из практических рыбоводов, обогативших науку, — В. П. Врасский.

Справедливости ради следует сказать, что в те годы, когда начинал свою научную и практическую деятель-

ность Врасский, на Урале небезуспешно работал другой ученый-рыбовод — крепостной человек П. Малышев. Об этом оригинальном экспериментаторе, к сожалению, известно совсем немного. «Среди пионеров искусственного рыборазведения в России, — читаем мы у П. Н. Скаткина, — непростительно забыто имя Петра Малышева — „лекарского ученика, крестьянина господ Демидовых", владельцев Нижне-Тагильских заводов. Еще в 1856 г. Петр Малышев опубликовал обстоятельную статью о результатах наблюдения над естественным размножением налимов и опыта их искусственного разведения» (Скаткин, 1959).

Далее П. Н. Скаткин говорит, что уральский рыбовод-опытник, несмотря на его положение крепостного, был для своего времени высокообразованным человеком. Опыты над налимами он проводил по заданию хозяина-заводчика. Для Малышева это был подневольный труд. И тем не менее он относился к делу пытливо, творчески, со всей страстью своей души. Уже одно это вызывает глубокое уважение к его работе, к его доброму имени. Ему не удалось сделать больших открытий в науке, не суждено было намного обогатить практику рыбоводства. Для этого, видимо, не было условий во владениях горнопромышленников Демидовых. Как писал О. А. Гримм, в пореформенный период, уже будучи свободным от крепостной зависимости, Малышев просил дать ему место надсмотрщика на Никольском рыбоводном заводе. Но ему почему-то отказали, и дальнейшая судьба этого ученого-самородка осталась неизвестной.

Владимир Врасский был удачливее своего уральского собрата по научным поискам, хотя и его судьба оказалась не столько счастливой, сколько трудной. Но он был помещик, относительно богатый человек, и ему легче было организовать научное рыбоводство хотя бы за счет собственных средств.

Мы уже сказали, что в начале 50-х годов XIX в. официальная Россия была глуха к запросам и нуждам культурного рыбоводства и рыболовства. Варварские методы лова вполне устраивали тогдашних рыбопромышленников, и ни им, ни руководителям правительственных и других казенных учреждений не хотелось заглядывать в завтрашний день. А между тем рыбные запасы в стране начинали заметно убывать.

И вот что примечательно: в такой обстановке казенного равнодушия Врасский, читая иностранные книги по рыбоводству, примерял прочитанное именно к России, к ее неоглядным водным просторам. Он понимал, что едва ли найдутся страны, которые нуждались бы в развитии рыбных промыслов больше, чем Россия. Ведь тут — огромное население и столь же огромные возможности разводить рыбу в бесчисленных озерах, реках и прудах.

Разумеется, одному человеку не под силу было не только осуществить, но и до конца осмыслить эти возможности в масштабе всей страны. Однако у Владимира Павловича была своя реальная и заманчивая перспектива — наладить искусственное рыбоводство в водоемах Валдайской возвышенности. Здесь повсюду раскиданы прекрасные озера — необозримый Селигер, Валдайское, Пестово, Велье, Уклеинское. Здесь множество рек и речушек, светлых, богатых кормами. Обдумывая новое дело, Врасский имел в виду и свою маленькую, холодноводную Пестовку. Эта речка протекала через его родовое имение, соединяя два озера — Пестовское и Велье. Как будто сама природа подсказывала: здесь и надо положить начало научно организованному рыбоводству в России.

Мысль об искусственном рыбоводстве захватила Врасского целиком. Он тогда же твердо решил отдать все свои силы и средства на новое, интересное предприятие. Немедленно стал прикидывать, с чего начинать, как приниматься за неведомую пока работу.

Можно легко представить его трудности на первых порах. Не было у него сколько-нибудь удовлетворительных научных знаний о жизни рыб. Ихтиология, эта специальная отрасль знания, осталась за пределами университетских программ. У молодого помещика не было никакого опыта по части рыбоводства. Не было возможности вдруг раздобыть где-нибудь специальное оборудование и аппараты для инкубации икры, для выращивания мальков, для содержания рыб-производителей и т. д. Такого оборудования просто не существовало нигде во всей стране. Все надо было создавать заново самому. Кроме того, никто из людей, окружавших Врасского, пока не понимал его намерений, не сочувствовал его начинанию. Следовательно, совсем нелегко ему было

решиться пойти неторенной дорогой, жертвуя для этого временем, покоем, средствами и, быть может, своим будущим.

Но Врасский смело начал осуществлять свои планы. Поздней осенью 1853 г. он стал готовиться к опытам. Для проведения их он на первых порах приспособил свой кабинет; на столах расставил глубокие фарфоровые тарелки и большие блюда, смастерил два цинковых ящика, в которых предполагал, заполнив их водой, держать оплодотворенную икру (в этих же ящиках намечалось поместить и выращивать мальков).

До начала опытов, однако, было не так близко, как думал еще совсем не искушенный энтузиаст. Оказалось, что форель, на которую он рассчитывал и которую выловили из речки Пестовки, уже отметала икру. Другие породы рыб, обитавшие в местных водоемах, в это время не нерестились. Пришлось ждать до второй половины зимы, когда начинается метание икры у налимов. Врасский нетерпеливо коротал это время, замышляя «к великой пользе обратить» все озера и реки Валдая или уж во всяком случае проверить на деле то, что вычитал он из книг.

В феврале 1854 г. налимы были выловлены из-подо льда Велье-озера. Судя по запискам самого Врасского, над этими подопытными рыбами уже тогда проводились довольно сложные операции. Рыбовод сначала сажал их в цинковый ящик, наполненный водой. На стол он ставил ведро с холодной водой и, поймав налимью самку, начинал выжимать из нее икру. Скользкая рыба упруго сжималась, изгибалась, но скоро, растратив силы, слабела и переставала сопротивляться. От настойчивых, методических поглаживаний зрелая икра густыми струйками стекала в фарфоровое блюдо с водой, расползаясь по гладкому дну.

Еще труднее давалась подобная манипуляция над самцом. У него до предела сжимались мышцы, молоки не выделялись. Приходилось звать кого-нибудь из помощников: две пары рук легче справлялись с задачей. Сметанно-белая жидкость заливала икру на дне блюда. Осеменение икры, казалось, было произведено. Потом такое же смешение икры и молок производилось во втором блюде, в третьем. Из цинковых ящиков вынимались

другие налимы-производители, и опять все шло по тому же кругу.

Врасский был уверен, что все делалось так, как рекомендовалось в письменных наставлениях Коста и других ихтиологов. Все операции над налимами были выполнены по правилам и с любовью, старательно и аккуратно. Оставалось только систематически освежать воду в посудинах, в которых поместили икру, и ждать, когда появятся на свет личинки рыб.

Но они не появились, как ни ждал рыбовод. Почему? Отчего такие же опыты вполне удались Реми и Жеэну? В. П. Врасский понимал, что вогезским рыбакам было труднее проводить свои опыты: у них не было под рукой книг с наставлениями. И все же у них была удача. Природа щедро наградила их за труды. А тут, в Никольском, не было никакого проблеска надежды на успех. Первую свою неудачу Врасский переживал серьезно, глубоко.

Вновь он перечитывал труды д-ра Коста, внимательно анализируя, взвешивая все его научные выкладки и практические рекомендации. Впрочем, метод искусственного размножения рыб, предложенный Ж.-В. Костом, не был его собственным методом. Он был изобретен еще в XVIII в. в Германии мало известным в науке Стефаном-Людвигом Якоби. Затем независимо от Якоби он был открыт вогезскими рыбаками, о которых упоминалось выше. Кост, проводивший свои опыты в Гюнингене, усовершенствовал этот метод и описал его в своих произведениях, посвященных рыбоводству.

Существо этого метода и пытался понять Врасский. Он просил своих петербургских друзей присылать ему новые книги по рыбоводству, если такие появятся в книжных лавках. Ему хотелось услышать последнее слово в науке, которая не только заинтересовала, но захватила его.

Тщательно подготовившись, в мае того же 1854 г. он повторил свои опыты, на этот раз над икрой плотвы. Несколько дней прошло в тревожном ожидании. Но личинки рыб не вывелись и на этот раз. Экспериментатор был огорчен новой неудачей. «Я был в отчаянии», — признавался он позднее в своих записках по искусственному рыбоводству (Извлечение из переписки, 1859).

Но чувство отчаяния, безнадежности было временным, оно скоро прошло. Однако рыбовода стали мучить сомнения. В самом деле, отчего происходили неудачи в его опытах? Неужели он делал что-то не так, как рекомендовалось в наставлениях по рыбоводству? Или в книгах не все верно? Может быть, в том и состояла причина неудач, что он слишком безотчетно доверял авторитетам? Вопросы вставали один за другим и настойчиво требовали ответа.

Врасскому хотелось как можно скорее найти причину своих неудач, разгадать одну из удивительных тайн природы и, разгадав, извлечь всю пользу из возможности искусственного разведения ценных рыб. Пользу для отечества и для себя. Он так и писал впоследствии, что жертвовал всем, чтобы принести благо «как для отечества, так и для себя» (там же).

Тут нельзя не заметить, что для Врасского родина — не только в этом изречении, но во всех его мыслях и делах — была на первом плане. А что касается поисков желанной пользы *для себя*, то это у него тоже не было связано с чисто эгоистическими стремлениями. Мы можем смело утверждать, что Врасский не был в плену у слепой корысти. Напротив, вся его деятельность как ученого-рыбовода представляется добрым примером бескорыстного трудолюбия.

К трудолюбию у него прибавлялось другое замечательное свойство — настойчивость в достижении цели. Первые неудачи не охладили его. Пусть опыты с рыбьей икрой и молоками не дали пока никаких результатов, но они, во-первых, были полезны как урок, как ошибки, на которых учатся; во-вторых, они заставили экспериментатора усомниться в истинности и в полноте тех знаний, в которые он верил до этих опытов. В этот период Врасский основательно подверг сомнению рекомендации Коста, Фрааса и других теоретиков рыбоводства. А от сомнений он, естественно, переходил к активному самостоятельному поиску. Без этих начальных шагов, еще неуверенных и шатких, очевидно не было бы тех важных открытий в науке и практике рыбоводства, которые сделал этот смелый и талантливый человек.

Осенью 1854 г., как и в предыдущую осень, Врасский опять начал опыты над форелью. Эта рыба особенно

занимала его. В случае удачи он мечтал заселить гатчинской и радужной форелью все валдайские реки и озера с родниковой водой.

Со времени первых опытов в помещении, где проводилась работа по искусственному разведению рыбы, произошли некоторые усовершенствования. Они заметно меняли всю технологию процесса, если можно в данном случае говорить о технологии. Оплодотворенная икра содержалась уже не в блюдах и тарелках, как раньше, а в сравнительно просторных цинковых аппаратах, в которых вода обменивалась более равномерно.

Воду таскали ведрами с речки Пестовки, до которой от господского дома было сотни три шагов, если не больше. Это было тяжело и невыгодно. Потом стали подвозить воду в бочке на лошади, но и это требовало много хлопот и времени. Врасский понимал, что на плечи его помощников легла нелегкая ноша. И он задумывался над тем, как облегчить их труд и сэкономить их силы для более полезной работы, а главное — как обеспечить постоянный ток воды, необходимый для выведения рыб.

Сначала он хотел провести воду прямо в дом, в свой рабочий кабинет, переоборудованный под рыборазводное помещение. Но почти невозможно было приобрести водопроводные трубы. В то время во всей России существовали только давнишний самотечный водопровод в Новгороде и мытищинский водонапорный в Москве. В Петербурге едва приступили к строительству системы водоснабжения. Поневоле приходилось рассчитывать только на самодельные деревянные трубы.

Врасский знал, что и деревянный водопровод тоже потребует немало труда и забот. Но надо было строить. И он стал чаще бывать на берегу речки Пестовки, раздумывая над тем, как лучше подвести воду прямо к цинковым ящикам, в дом или, на худой конец, к самому дому. И тогда пришла другая мысль — соорудить на речке пруд, а у пруда, ниже плотины, построить специальный домик для искусственного размножения рыбы. В таком случае проблема водопровода уже не представляла большой трудности. Его можно было построить намного проще и дешевле.

Для Врасского это была новая находка. Она была тем более приятна, что в ту осень в Никольское пришла

первая удача: в цинковых аппаратах с водой появились личинки форели. Их вывелось немного — всего десятка три-четыре из тех тысяч икринок, которые были помещены в сосуды. Но все-таки появились на свет живые существа. Через несколько дней личинки превратились в мальков, которые стали расти, развиваться. И это было радостным событием для рыбовода.

С тех пор Владимир Павлович, быть может, дольше обычного стал задерживаться в помещении, подсаживаясь к металлическому ящику и наблюдая за жизнью мальков. Он бросал в воду мелкие крошки рубленого мяса и смотрел, как форельки мгновенно ловят их в воде. И вот что было замечено: мальки хватали корм только тогда, когда он, оседая на дно, двигался в воде. Как только движение мясных крошек прекращалось, мальки не дотрагивались до них, совершенно не брали корм со дна. Врасский в те дни не знал, что такое поведение могло обернуться против самих рыбок.

Так оно и случилось. Вслед за первой радостью к молодому новгородскому рыбоводу опять пришли огорчения. Началось это с гибели одной выведенной им маленькой форели, которая задохлась в тесной посудине.

Казалось бы, что за беда, если заснул один малек? В природе их гибнет бесчисленное множество. Но ведь если хорошенько разобраться, то и те мальки, что гибнут миллионами, жалости достойны; здесь же погибло подопытное существо. Эта переставшая дышать молодая форель отнимала у Врасского какую-то долю надежды. Она заставляла начинающего ихтиолога недоумевать: отчего это могло случиться? И не грозит ли такая опасность остальным малькам?

Оказалось, что угроза была реальна и серьезна. Вскоре в цинковом ящике подохла вторая форелька и третья... Но Врасский, судя по его запискам, в тот раз не поддался тревогам и отчаянию. Он верил, что произошла ошибка, которую можно как-то исправить. Думал, что мальки скорее всего задохлись от недостатка кислорода. Поэтому крепостным людям, помогавшим рыбоводу, было поручено более часто и тщательно освежать воду. А сам экспериментатор еще пристальнее стал наблюдать за мальками. Он опять, как вчера и как неделю тому назад, бросал им мелкие кусочки

говяжьего мяса. И по-прежнему удивлялся тому, как проворно и ловко хватали они пищу, пока она падала на дно.

Постепенно рыбоводу становилось ясно, что малькам форелей недоставало пищи, потому что при всей их проворности они не успевали схватывать и десятой доли крошек, которые им бросали. Рубленое мясо оседало на дно, загнивало и портило воду. Молодь оказывалась в мутной бескислородной среде — и погибала. Если очень часто меняли воду, то рыбки сильно беспокоились, плохо переносили температурные колебания — и тоже гибли. Как сообщал сам рыбовод, в апреле 1855 г. у него заснула последняя форелька.

Этот новый провал, в добавление к прежним неудачам, вообще мог отбить охоту заниматься подобными экспериментами. Но, как уже было сказано, этого не произошло, потому что велик был энтузиазм молодого рыбовода, а кроме того, уже была одна удача — мальки форели все-таки вывелись искусственным путем! Первая удача, несмотря ни на что, подогревала веру в успех начатого дела. Надо сказать, Врасский понимал, что разводить искусственно форель довольно хлопотно, но зато интересно и экономически выгодно. Поэтому его выбор пал прежде всего на эту очень ценную породу рыб.

Пережив потерю своих первых питомцев, Врасский из собственных промахов и просчетов извлек для себя некоторые важные уроки. Во-первых, он понял, что нельзя или по крайней мере не стоит кормить только что народившихся мальков рубленым мясом, как рекомендовали все заграничные руководства. Во-вторых, он теперь уже окончательно убедился, что через дремучий лес непознанного нельзя идти только по следам вожаков, не делая попыток проложить собственную тропу. И в-третьих, он теперь твердо знал, что надо скорее кончать с кустарщиной, — в науке она плохой помощник.

Главное было в глубоком понимании того, что в науке путь копииста порочен, что надо выходить на дорогу исканий. И ученый выходил на эту свою дорогу, где его ждали замечательные открытия, новые трудности и новые надежды.

ОСНОВАНИЕ РЫБОВОДНОГО ЗАВОДА

Если не считать душевных тревог самого Владимира Павловича, остальные обитатели Никольского жили в общем-то тихой провинциальной жизнью. Но земледельческие и особенно рыбоводные новшества хозяина усадьбы все же меняли и труд, и быт людей. Кроме того, здешняя жизнь менялась под влиянием событий, происходящих в стране. Газеты и молва приносили в Никольское много вестей о волнениях крестьян, о «смутьянах» из разночинцев, о возможных правительственных реформах, о событиях на фронте... Шла Крымская война, в которой, словно в болоте, застряла технически отсталая Россия.

Прочитывая газеты и письма друзей, Врасский узнавал и о провалах военной кампании, и о геройстве русского воинства на полях сражений. Как знать, может быть, в то время он истинно жалел, что по окончании университета отказался от государственной службы. Он мог бы поступить на военную службу, как некоторые его университетские товарищи и друзья.

Судя по некоторым данным, в то время у В. П. Врасского были натянутые отношения с родителями. Они терпимо и даже сочувственно отнеслись к нововведениям старшего сына в области земледелия и животноводства, хотя и не были довольны его столь ранним уходом в отставку от государственной службы. Однако задуманное им строительство рыборазводного заведения грозило им неприятностями, даже разорением, пугало их неизвестностью.

Но какие бы думы ни навевала война и что бы ни говорили родители, Врасский уже не мог отказаться от избранного пути.

Как уже было сказано, осенью 1854 г. он задумал на речке Пестовке соорудить пруд, а рядом с ним построить небольшой дом для разведения рыбы. Но тогда это был только замысел. А само строительство пруда и домика началось уже в следующем, 1855 г. В новом доме рыбовод предполагал устроить настоящие бассейны с проточной водой. Все строительство он спланировал сам, по своему разумению, — правда, пользуясь описаниями Гюнингенского завода во Франции.

На Валдайской возвышенности, как известно, хвойные леса чередуются с возделанными полями. Но почвы там глинисты и малоурожайны. Большие площади земли заболочены. Следовательно, в XIX в., с его отсталой агротехникой, там были трудные условия для земледелия. Зато на Валдае много озер и рек. Озера, как правило, глубокие и с прозрачной водой. Реки хотя и некрупны, но в большинстве с прозрачной и холодной водой, пригодные для разведения ценных пород рыб. Здесь были прекрасные условия для развития рыбоводства и рыболовства. Едва ли не самыми лучшими эти условия оказались в Никольском, расположенном между двумя превосходными озерами — Велье и Пестовским, — которые соединены между собой речкой Пестовкой. Оно, Никольское, словно самой природой было предназначено для того, чтобы стать началом и центром рыбоводства в России.

Строительство рыборазводного заведения продвигалось вперед, хотя рабочих рук в распоряжении Врасского было немного. Впрочем, к этому времени у Владимира Павловича уже были постоянные и надежные помощники. Прежде всего — Григорий Ефимов, крестьянин из Весьегонского уезда Тверской губернии, получивший от своего помещика вольную, как об этом можно узнать из прошения И. К. Решеткина в департамент сельского хозяйства о награждении некоторых служителей Никольского рыбного завода.[1] Это был очень смышленый человек (хотя и неграмотный), 31 года от роду. Врасский пригласил его к себе специально для участия в разведении рыбы. Ефимов вместе с семьей переехал в Никольское и стал работать рука об руку с создателем завода. Позднее он занял должность надсмотрщика в Никольском рыбоводном заводе и был награжден медалью за безупречную и полезную службу, не говоря уже о денежных поощрениях.[2] Жаль, что имя этого человека до сих пор почти не упоминалось в печатных изданиях, а если и упоминалось иногда, то в искаженном виде: в одной статье Н. Пушкарева он почему-то назван Григорием Ефимовичем Рыбкиным (Пушкарев, 1905).

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 1, д. 10871, л. 1.
[2] Там же, лл. 12, 16, 35.

В помощь Григорию Ефимову был дан дворовый человек, семнадцатилетний парень Карп Лебедев. В сооружении плотины будущего пруда участвовали также другие мужики, молодые женщины из крепостных, ребята-подростки. Сам Врасский не только руководил строительством, но и принимал живое участие в плотницких и земляных работах. Он спешил. Ему хотелось как можно быстрее оборудовать в новом доме бассейны, провести к ним по трубам воду.

Но тогда, в 1855 г. пустить в дело новый завод по-настоящему не удалось. Строителей подвел водопровод. Когда его закончили и стали испытывать, вода не пошла по трубам. Владимир Павлович — сам и архитектор, и плотник, и водопроводчик — понял, что допустил какие-то просчеты, ошибся в чем-то по неопытности. Пришлось повременить с бассейнами и опять прибегнуть к цинковым ящикам.

Новое здание завода тогда было использовано лишь отчасти. Туда перенесли старые цинковые ящики, и осенью 1855 г. Врасский заложил в них оплодотворенную икру форели. На этот раз он проводил опыт над гатчинской форелью, крупной и очень выгодной в рыбопромышленном отношении.

Правда, в способ искусственного осеменения икры он пока не вносил никаких существенных изменений: по-прежнему все делал в основном так, как его научили книги французских и немецких рыбоводов. И результаты были такие же, как за границей, — не лучше: из тысяч икринок вывелись только десятки личинок рыб.

Но все же теперь у него были и свои, новые, самостоятельные находки. К этому времени он кое-что узнал в области эмбриологии, сделав для себя правилом длительные наблюдения за развитием икры и зародышей. При этом он пользовался микроскопом, — правда, обыкновенным школьным, довольно несовершенным, — а результаты своих наблюдений стал систематически записывать в специально заведенный журнал. И еще одно новшество применил рыбовод: мальков он начал кормить не рубленым мясом, как рекомендовали книги, а живыми насекомыми, мелкими червячками, циклопами, которых можно было легко наловить в пруду или в озере. И мальки на этот раз не подохли, выжили все

до единого. Эта находка корма в самой природе имела важное значение. Без преувеличения можно сказать, что это был существенный успех в науке и практике искусственного рыбоводства.

Разумеется, на строительство нового рыбоводного завода, на добывание рыб-производителей, на эксперименты с икрой и молоками, на поиски и заготовку живого корма — на все это нужно было время. И Врасскому все меньше приходилось вникать в хозяйство, реже бывать на конюшне, куда он любил приходить раньше. Земледельческие нововведения, как это можно видеть из работы проф. М. И. Тихого, постепенно отходили у него на второй план. Н. Пушкарев считал даже, что Врасский ради научного рыбоводства вообще оставил сельское хозяйство. Но, очевидно, это не так. Он не оставлял забот о ведении помещичьего хозяйства, которое принял от родителей, однако на это у него оставалось очень мало времени. Весь свой ум, физические силы и почти все денежные средства он вкладывал в новое дело — искусственное рыбоводство.

Долгие часы Владимир Павлович проводил у молоди рыб. Резвые молодые форели радовали его: они росли очень быстро, прожили в помещении всю зиму. А весной пришла пора выпускать их в пруд. Двадцать более чем полугодовых форелей Врасский оставил у себя в домике, в бассейне, для наблюдений за ними, над их ростом и развитием сравнительно с теми, которые будут обитать в большом водоеме. Остальных выпустили в пруд, на волю.

На этот раз надежды рыбовода оправдались полностью: «Они у меня и теперь живут, совершенно здоровы и значительно выросли» (Извлечение из переписки,1859). Это, правда, было сказано о тех форелях, которых он оставил под своим наблюдением, под крышей дома. Но столь же быстро, если не еще быстрее, росли и те, которых высадили в пруд. Из этого рыбовод заключил, что пруд его богат кормами. Это открывало большие перспективы. Теперь-то отступать от цели было просто невозможно, хотя Врасский и до этого не думал и не хотел отступать.

И он с новой энергией продолжал начатое дело. В первую очередь спешил перестроить водопровод, без которого уже нельзя было обойтись. Без него не суще-

ствовало бы завода. Опять люди копали землю, по-новому прокладывая трубы. В напряженном труде прошла зима, прошло следующее лето. В сентябре 1856 г. Владимиру Павловичу удалось, наконец, создать в помещении завода бассейны с проточной водой. Пруд тоже выдержал основательную проверку. Он оказался действительно очень кормным, с хорошей, свежей и прозрачной водой. Все это означало, что рыбоводный завод в Никольском был уже создан в своей основе.

Тут мы опять должны сделать некоторые уточнения. В статье Н. Я. Данилевского было сказано, что основоположник русского рыбоводства «устроил свой завод» в 1856—1857 гг. (Данилевский, 1863). Это неточное свидетельство позднее было принято на веру и повторено в ряде других изданий, в том числе в Большой и Малой Советских Энциклопедиях, а также в «Биографическом словаре деятелей естествознания и техники». Авторы статей, помещенных в этих справочниках, почему-то пренебрегли другими источниками, где время создания Никольского завода обозначено довольно определенно и точно.

В записках самого Врасского можно прочитать такие строчки: «В 1855 году я запрудил пруд и подле него выстроил небольшой дом, с целью устроить в нем... бассейн и провести в него из пруда воду...» (Извлечение из переписки, 1859); «В начале сентября 1856 года мне наконец удались бассейны в комнате; я провел в них из пруда воду, и с тех пор она постоянно протекает в них..» (там же). А дальше Врасский довольно обстоятельно рассказал о своих опытах над различными породами рыб, ни разу не возвращаясь к вопросу о сроках строительства завода. Разве не ясно, что сам основатель завода знал эти сроки лучше, точнее, чем инспектор департамента земледелия? Данилевский мог просто допустить ошибку по невнимательности. Это тем более вероятно, что другие авторы, писавшие о Никольском рыбоводном заводе в XIX в., не шли в этом вопросе за Данилевским. Например, Ф. Судакевич и В. Ласковский называли те же годы и месяцы строительства пруда и заводского здания, что и сам В. П. Врасский. Другое дело, что в последующие годы завод расширялся, совершенствовался, даже капитально перестраивался. Но основан он был в 1855—1856 гг.

В вопросе о времени возникновения Никольского завода в печати допускались смещения и в другую сторону. Так, например, И. В. Кучин в обзоре мероприятий по развитию рыбоводства в Новгородской губернии писал: «Ввиду исполняющегося в 1904 году пятидесятилетия Никольского рыбоводного завода, желательно устроить выставку в честь первого русского рыбовода, владельца и устроителя Никольского завода — Владимира Павловича Врасского» (Кучин, 1904). Из этой выдержки видно, что автор обзора относил создание научно-производственного заведения В. П. Врасского к 1854 г. Тут перед нами — явное смешение времени основания завода и времени первых научных опытов его основателя. Свои эксперименты над рыбами Врасский стал проводить действительно в 1854 г., но это вовсе не значит, что вместе с первыми его опытами возник и рыбоводный завод.

О. А. Гримм, видимо, знал историю русского научного рыбоводства лучше большинства своих современников, причастных к написанию этой истории. Поэтому он, редактируя ежегодный сборник «Из Никольского рыбоводного завода», в 1904 г. поместил там прекрасный портрет В. П. Врасского — в честь пятидесятой годовщины его первых опытов, — а в следующем выпуске сборника, за 1905 г., опубликовал свою работу «Обзор деятельности Никольского рыбоводного завода за 50 лет его существования». Эти публикации относительно точно отражают историческую действительность. Следовательно, объективно они тоже поправляют и Н. Данилевского, и И. Кучина, и некоторых других авторов.

«ЭТО НЕ ФАНТАЗИЯ, А ФАКТ!»

В этой главе речь пойдет о главном научном открытии В. П. Врасского. Само это обстоятельство, естественно, требует более подробного изложения как фактического, так и теоретического материала, связанного с именем и деятельностью основоположника научно поставленного рыбоводства.

Работая много и напряженно, Владимир Павлович редко покидал пределы своего родового имения и его

ближайших окрестностей. Но иногда он предпринимал и дальние поездки. Одна такая поездка — в Петербург — состоялась у него в конце октября 1856 г.

Отправляясь в столичный город, он ставил перед собой определенные цели, одна из которых заключалась в следующем: когда ему удалось не только искусственно вывести, но и выходить, вырастить несколько десятков отличных форелей, он задумал приобрести рыб других лососевых пород, над которыми потом можно было бы произвести опыты у себя в Никольском. В своих записках он отмечал, что первая удача придала ему смелости, он решился ехать в Петербург за лососями и привез оттуда 10 кексгольмских лососей. Далее сказано: «Эта удача ободрила меня еще больше и я решился посвятить всю зиму для наблюдения и исследования икры, молок и процесса зарождения и развития зародыша» (Извлечение из переписки, 1859).

В столице новгородский рыбовод встретился с некоторыми членами Вольного экономического общества. Среди них был Ф. А. Веймарн, сравнительно молодой чиновник двора. Он не только делал успехи в государственной службе, но и вел некоторую общественную и научную работу. Выслушав начинающего рыбовода, Веймарн очень благосклонно отнесся к его смелым начинаниям и пожелал ему успеха.

В то время Владимиру Павловичу, конечно, было известно, что в России тоже начал пробуждаться интерес к искусственному разведению рыбы. Но в Петербурге на этот раз он узнал больше, чем до этого знал из газет и журналов. Особенно заслуживали внимания две новости.

Оказалось, что из официальных учреждений раньше других искусственным рыбоводством заинтересовалось... Военное министерство. Врасскому, должно быть, это казалось не совсем естественным. Почему столь мирным научно-хозяйственным вопросом задалось именно военное ведомство, а не Академия наук или по крайней мере земледельческие научные и учебные заведения?

А это объяснялось вот чем. В России в то время существовали так называемые военные поселения, созданные с целью иметь большую резервную армию. Надо было чем-то занять и чем-то кормить солдат, и высшее началь-

ство искало пути для решения этих задач. Военные поселения располагались по берегам Волхова, Ловати, Мсты, вокруг Ильмень-озера и у других водоемов. Эти реки и озера с древних времен давали людям такой отличный продукт питания, как рыба. Но со временем рыбные запасы в них сильно уменьшились. Вот и пришло кому-то в голову — занять резервную кавалерию и пехоту искусственным разведением рыбы в местах военных поселений.

Но с чего начинать новое, непривычное дело? Департамент военных поселений, с ведома военного министра, еще в 1852 г. обратился за помощью к французскому министерству земледелия и торговли. Оттуда прислали печатную новинку — книгу академика А. Мильн-Эдвардса. Три года в военных поселениях пытались на деле применить рекомендации члена Парижской академии, но безрезультатно. Поэтому департамент запросил Вольное экономическое общество, нет ли там каких-либо более практических сведений по искусственному рыбоводству. Этот запрос был сделан 25 января 1855 г.[1]

Но что могло ответить авторитетное научное общество? Оно вынуждено было признать: ничего нет. В ответной бумаге за подписью управляющего музеем Общества — В. Мочульского — было написано: «Опытов по искусственному разведению рыб в России произведено не было, равно как и опытных указаний на этот счет в виду не имеется».[2]

В конце февраля 1856 г. тот же Виктор Мочульский сообщал Совету Общества, что сам он пытался кое-что сделать, чтобы наладить искусственное рыбоводство в российских условиях. Он обращался к правительству Франции за разрешением посетить эту страну. У него было намерение осмотреть там лучшие рыбоводные заведения, а также встретиться с академиками Мильн-Эдвардсом, Катрфажем и другими зоологами. Но просьба эта запоздала. Началась Крымская война, и Мочульскому было отказано в визе «по причине политических обстоятельств».[3]

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 351, лл. 19, 20.
[2] Там же, л. 21.
[3] Там же, л. 30.

Приехав в Петербург, В. П. Врасский узнал, что опытами по искусственному разведению рыбы начал заниматься д-р Ю. Х. Кнох, немец из Лифляндии, тоже учившийся когда-то в Дерптском университете, на медицинском факультете. Теперь он состоял в должности старшего врача-ординатора 2-го Военно-сухопутного госпиталя в Петербурге. Кроме исполнения прямых обязанностей по госпитальной службе, он был личным врачом у некоторых особ императорской фамилии, а также вел исследовательскую работу по эмбриологии и, как уже сказано, занимался искусственным разведением карповых рыб.[4]

Врасскому надо было непременно увидеться с этим человеком. Он отыскал адрес в столице, попросил о встрече и, как только получил приглашение, немедленно поехал на Выборгскую сторону, где в те годы проживал Юлиус Кнох. Там Владимир Павлович увидел и понял, что его коллега не очень далеко ушел в своих изысканиях. Он как бы повторял начало его собственного пути, делал то, что у него, Врасского, осталось позади. У Кноха были те же кустарные приемы в комнатных условиях: те же тарелки и миски с застойной водой вместо больших проточных бассейнов, то же рубленое мясо для мальков вместо живого корма — все то же и так же, как было в Никольском и как рекомендовано в достопочтенных книгах.

Но в одном отношении Кнох имел преимущество: у него был отличный собственный микроскоп с 500-кратным увеличением. С помощью такого оптического прибора можно было изучать зарождение и развитие рыб. Вот чего не хватало Врасскому для того, чтобы решить трудные задачи развития научного рыбоводства в России.

Владимир Павлович пригласил Кноха к себе на родину, в имение Никольское, для совместных наблюдений при помощи микроскопа. Ведь там созданы все условия для работы: выстроен специальный дом для опытов, для наблюдений за икрой, молоками, за развитием зародышей; в домике — хорошие бассейны с холодной проточной водой; там живой корм для мальков совсем рядом —

---

[4] Там же, оп. 38, д. 13119, л. 5.

в пруду и в озерах. Недостает только микроскопа и дружного сотрудничества двух рыбоводов.

Ю. Х. Кнох, тогда еще молодой, — он был всего на один год старше Врасского, — согласился на дальнюю поездку, отложив свои дела в госпитале и в великокняжеских дворцах. После этого Врасский, закупив у одного рыбопромышленника десяток ладожских лососей, предназначенных для производства опытов, выехал в свое имение. Видимо, тогда же к нему на завод отправился его петербургский коллега и сотрудник.

Для Врасского это был счастливый период его деятельности, период научных исканий и открытий. Семь недель Кнох прожил в Никольском. Семь недель новгородский рыбовод пользовался его микроскопом, пристально наблюдая за развитием рыбьей икры, зародышей и мальков. «С конца октября до первых чисел декабря я имел удовольствие пользоваться неутомимым сотрудничеством д-ра Кноха и микроскопом его» (Извлечение из переписки, 1859).

Результаты наблюдений Владимир Павлович по-прежнему записывал в специальный журнал. Систематически заносить в. журнал все существенное, все более или менее примечательное стало его потребностью. Он это делал ежедневно и ежечасно. Благодаря записям у него накапливался фактический, экспериментальный материал для сопоставлений и научных обобщений. Упорно добиваясь своей цели, Врасский приходил к подлинному пониманию тех явлений, которые он наблюдал под микроскопом и отражал в своем журнале.

На первых порах его больше всего интересовало влияние воды на икринки, на их внутренние и внешние изменения, на их развитие. И вот что показывали наблюдения под микроскопом. Если рыбовод брал для эксперимента зрелую икру в чистом виде, без воды, то он, наблюдая часами, не замечал в икринках никаких сколько-нибудь существенных изменений. Но стоило эту же икру опустить в воду или облить водой, как в ней наблюдались изменения. Как писал В. П. Врасский, здесь с икрою «мгновенно происходят самые очевидные перемены: она начинает всасывать в себя воду, отчего разбухает ее наружная оболочка и делается гораздо толще и тверже» (Извлечение из переписки, 1859).

Такую икру, успевшую разбухнуть в воде, Врасский пробовал обливать рыбьими молоками, рассчитывая на возможность ее оплодотворения. Но из этих попыток ничего не получалось. Результат оказывался самым плачевным: решительно ни одна икринка не оплодотворялась.

О чем это могло говорить начинающему ихтиологу и рыбоводу? Где была разгадка этой тайны? Такие вопросы все чаще вставали перед Врасским. Постепенно он находил ответы на них, творчески обобщая результаты своих наблюдений. Терпение и сосредоточенность, надо сказать, награждали его более щедро, чем он сам мог предположить.

Исследуя под микроскопом рыбью икру, Врасский познавал такие явления и закономерности, которые объясняли ему его прошлые провалы и просчеты. Теперь он достаточно хорошо понимал, почему у него были неудачи при первых экспериментах над икрой форели, налимов и плотвы, когда мальки либо не выводились вовсе, либо выводились в ничтожно малом количестве. Происходило это вот отчего.

Если икринки еще до контакта с молоками успевают всосать в себя воду и разбухнуть, то у них закрываются отверстьица в оболочках (так называемые микропиле), через которые проникают сперматозоиды внутрь икринок. В таком случае сперматозоиды, находящиеся в составе рыбьих молок, не в состоянии выполнить свое естественное назначение. При разбухании икринок происходят такие изменения, главным образом в оболочках, которые препятствуют нормальному процессу оплодотворения. В таких условиях оплодотворение икры практически становится невозможным. Это и вело к безрезультатности или к очень малой эффективности в первых опытах Врасского. От этого же происходили многие неудачи у других людей, занимавшихся в середине XIX в. искусственным рыбоводством. Новгородскому рыбоводу это стало понятно в результате проведенных им микроскопических исследований и размышлений над записями, которые он делал в течение всех предыдущих опытов искусственного разведения рыб.

Но как можно избежать таких неудач? Как преодолеть этот барьер, стоящий на пути искусственного рыбоводства? Очевидно, надо прежде всего считаться с зако-

нами природы. Врасский понимал это не так полно, как понимаем мы теперь. Он тогда лишь стихийно, наощупь приближался к постижению этого общего принципа. Как рыбовод и ихтиолог, он понимал, что если осеменение икры производить искусственно, то этот процесс должен быть как можно более кратким по времени. Надо делать так, как это происходит в природе. Ведь когда рыба-самка мечет в водоеме икру, самцы обливают ее молоками в тот же миг. И рыбоводу, если он проводит опыт или начинает обычный производственный цикл работ, также нужно действовать с максимальной быстротой. Это связано с большими трудностями. При таком методе, когда половые продукты рыб искусственно соединяют непосредственно в воде, неизбежны суета, спешка и вследствие этого частые срывы в работе, потому что человек едва ли может выполнить эту операцию столь мгновенно, как происходит соответствующий процесс у живых рыб в водоеме. На эту сложность указывал В. П. Врасский в своих записках.

Трудности и помехи в деле искусственного осеменения икры заключались в следующем. Каким бы расторопным и опытным ни был рыбовод, он никогда не сумеет мгновенно получить от рыбы икру. Самка в первые минуты будет биться и сильно сжимать мышцы. Пока рыбовод доведет операцию сцеживания до конца, большая часть икры уже успеет разбухнуть в воде и утратит способность к оплодотворению.

Еще труднее сладить с рыбами-самцами, особенно у крупных пород. Они дольше, чем самки, и более упорно сжимают мышцы, не выделяя молоки. Пока будет получена последняя порция молок, первые их порции растекутся в воде, еще не соединившись с икрой, и сперматозоиды в таком случае либо уже успеют погибнуть, либо утратят способность интенсивного движения навстречу яйцеклеткам.

Допустим, что всю эту сложную и кропотливую работу могли бы выполнять одновременно два рыбовода: один добывал бы икру, другой — молоки. Так было бы лучше, удобнее. И надо сказать, что Врасский практиковал этот прием вместе со своим помощником Григорием Ефимовым. Но все равно это не избавляло их от больших потерь. Если половые продукты рыб выцеживались в разные посудины, заполненные водой, то набухание

икринок еще до их осеменения, а также и гибель сперматозоидов были неизбежны. Пробовали одновременно выпускать и икру, и молоки в один и тот же сосуд с водой. Это давало некоторый результат, но очень небольшой и непостоянный. Объяснялось это тем, что рыбоводы вынуждены были спешить и больше мешали друг другу, чем выполняли методически свою работу. К тому же струйки молок, растекаясь в воде, все равно далеко не всегда попадали на икру, а если и попадали, то чаще всего с опозданием. Все это, следовательно, было не только хлопотно, но и экономически невыгодно.

В. П. Врасский упорно искал ответа на сложные вопросы, имеющие большое значение для науки и практики искусственного рыбоводства. Пока он не мог сказать ничего определенного, кроме того, что половые продукты рыб необходимо погружать в воду одновременно или почти одновременно, с таким расчетом, чтобы они могли соединиться там в максимально короткий промежуток времени. Другого выхода пока не было найдено.

Но важно было то, что Врасский начал искать такой выход. Мы уже знаем, как до этого он отказался от книжной «мудрости» в вопросе кормления мальков и молодых рыб, как намечал собственную тропку в неведомое. Теперь он убедился в непригодности основных рекомендаций, которые давались общепризнанными авторами книг по рыбоводству. Всерьез был поставлен под сомнение метод искусственного осеменения икры, широко разрекламированный в этих книгах.

А от сомнения Врасский переходил к самостоятельным научным поискам в этом вопросе. Знания его существенно обогатились благодаря исследованиям икры с помощью микроскопа. Но не меньше дали ему наблюдения над молоками. Тут он встретился с новыми явлениями. Врасский установил, что сперматозоиды в молоках, попадая в воду, оказываясь в новой среде, быстро утрачивают жизнеспособность. Недаром французский биолог Катрфаж находил, что срок жизни сперматозоидов лосося равен восьми минутам, а немецкий рыбовод Карл Фраас допускал удлинение этого срока лишь до пятнадцати минут. Как мы видим, разница тут невелика. И сроки эти у обоих естествоиспытателей определены приблизительно и лишь для тех случаев, когда молоки выпущены в воду. А сколько вре-

мени могут прожить сперматозоиды, если молоки оставить в сухой тарелке на открытом воздухе? Что будет с ними, если ту же тарелку с молоками хранить в прохладном месте? Удлинится ли (и насколько) жизнь половых продуктов рыбы-самца, если их держать в том же прохладном месте, но не в открытом виде, а в упаковке? Этого никто не знал. Ответить на эти вопросы, имеющие очень важное значение для науки и практики рыбоводства, суждено было Владимиру Павловичу Врасскому.

Проводя свои повседневные опыты, он установил, что если сперматозоиды, находясь в воде, в первые же мгновения не соединятся с икринками (яйцеклетками), то их жизнедеятельность начинает угасать значительно быстрее, чем предполагала наука того времени. Через полторы-две минуты в них можно еще приметить только слабые движения. Но если молоки, взятые от рыбы, держать в «сухом» виде, т. е. в сосуде без воды, то их жизнеспособность не утрачивается часами. Врасский ставил опыты на сохранение молок, и эта закономерность подтверждалась строго и неизменно. Он то оставлял молоки на открытом воздухе, то закупоривал в стеклянных пробирках. В закупоренном виде они, даже при обычной комнатной температуре, продолжали жить по пять-шесть суток, не теряя своих первоначальных свойств. А в более холодном месте в такой упаковке их можно было сохранять намного дольше. Современные специалисты находят, что герметичность упаковки здесь, конечно, не имеет решающего значения. Главные причины длительной сохранности как молок, так и икры — это содержание их без воды и при пониженной температуре. В. П. Врасский был первым человеком, открывшим этот оригинальный и экономически выгодный способ сохранения половых продуктов рыб.

Это открытие взволновало, необычайно обрадовало ученого-рыбовода. На первых порах он считал его, пожалуй, самым значительным. Оно толкнуло его на поиски нового метода искусственного осеменения икры. К этому времени он окончательно убедился, что старый метод, идущий от Якоби, Реми, Жеэна и Коста, очень несовершенен и непригоден для практического рыбоводства.

Здесь, нам думается, уместно заметить следующее. Врасский был оригинальным и глубоким ихтиологом-

экспериментатором, и его заслуги в этой области до сих пор недостаточно оценены в литературе. Нам хотелось бы оттенить именно эту сторону в его научной деятельности. Но истинно и то, что все свои научные поиски, исследования, опыты, изобретения он подчинял практическим целям науки о рыбоводстве, которая призвана разрабатывать биологические и биотехнические основы рыбоводных процессов и мероприятий. Поэтому он прежде всего предстает перед нами как ученый-рыбовод. И это не только не умаляет его роли и места в истории отечественного естествознания, но наоборот — делает ему честь. Близость к практике, к природе помогала ему преодолевать «барьеры» в научных поисках, в том числе на пути к основному, главному открытию.

Анализ записей двухлетних опытов убедил Врасского, что «чем больше был промежуток времени между выпусканием икры и молок в воду и смешением их между собой, тем менее икринок оплодотворялось» (Извлечение из переписки, 1859).

Логика фактов подсказывала ему: если старый способ искусственного осеменения рыбьей икры не дает желаемого результата из-за промедлений в процессе соединения половых продуктов рыб, то нельзя ли ускорить этот процесс за счет предварительного разбавления молок водой в отдельной посуде, перед тем как выливать их на икру? Врасский провел такой опыт: выпустил рыбью икру в воду, а молоки тут же — в сухую тарелку; в молоки добавил воды, быстро взболтал их и тотчас вылил на икру.

И что же? Прошло немного времени, и выяснилось, что икра при таком способе оплодотворилась значительно больше, чем это было раньше. Повторение опыта давало те же результаты: степень оплодотворяемости икры возросла. Сам рыбовод об этом писал так: «Я выпустил икру в воду, потом взял молочник и выпустил из него молоки в сухую тарелку, после чего, поднеся к тарелке с икрою, я налил в молоки воды, в то же мгновение взболтал и вылил их в икру. По этой методе начало оплодотворяться несравненно больше» (Извлечение из переписки, 1859).

Это было важнее всех прочих находок, какие до сих пор встречались на пути молодого ученого. Совершенствуя свой новый метод, Владимир Павлович распространил

«сухой режим» и на икру. Иначе говоря, икру форелей и лососей, над которыми в те дни проводились опыты, он стал выжимать тоже в пустые тарелки. Ни одной капли воды сюда не добавлялось. Эту икру он обливал рыбьими молоками, которые по-прежнему предварительно разбавлял водой. Осемененная таким способом икра затем помещалась в воду. При таком способе процессы оплодотворения яйцеклеток и развития эмбрионов вплоть до выхода личинок рыб и превращения их в мальков совершались нормально. Так была достигнута одновременность попадания икры и молок в воду, т. е. процесс оплодотворения икры, при искусственном ее осеменении, был максимально приближен к природным условиям. Труд рыбовода был значительно облегчен.

Результат применения такого метода оказался совершенно поразительным. Искусственно осемененные таким путем икринки стали оплодотворяться все до единой, пропадали только недозрелые или поврежденные. С такой полнотой, с такой эффективностью процесс размножения рыбы, очевидно, не всегда возможен даже в естественных условиях рек и озер, хотя там степень оплодотворенности икры очень высокая. На Никольском заводе стопроцентный или почти стопроцентный выход мальков стал постоянной, стабильной нормой.

«Всякая случайность и урон при оплодотворении вовсе исчезли, — писал В. П. Врасский, — теперь я в состоянии оплодотворить до последней нормально развившейся в яичнике икринки, которые впредь будут находиться в моем распоряжении, и к тому же большей части пород наших рыб. Это не фантазия, а факт; ибо в последние дни оплодотворения лососиной и форельной икры мне это удавалось» (Извлечение из переписки, 1859).

Так в трудах и неустанных поисках родился новый, оригинальный, так называемый «сухой» способ искусственного осеменения рыбьей икры, открытый Владимиром Павловичем Врасским. За границей его стали называть «русским» способом.

Это — большое завоевание биологической науки и научного рыбоводства. Этим способом и в наши дни пользуются рыбоводы всех стран. Открытие Врасского

живет и приносит пользу людям вот уже вторую сотню лет, его неоценимое значение очевидно.

Следует в двух словах оговорить, что название «сухой» способ искусственного осеменения икры не отличается смысловой точностью. Недаром на совещании по рыбоводству в 1915 г. этот метод был назван «полусухим», а наименование «сухой» сохранялось за модифицированным методом, при котором половые продукты рыб смешиваются в сухой посуде, без какого-либо добавления воды.

По сути дела здесь речь шла не о двух самостоятельных методах, а о двух разновидностях одного и того же метода, разработанного В. П. Врасским. Надо только иметь в виду, что сам изобретатель пользовался полусухим методом, называя его «сухим». И полусухой метод на практике оправдал себя больше, чем его разновидность. В журнальном отчете о том же совещании по рыбоводству 1915 г. сказано:

«Перейдя к самому процессу оплодотворения икры, Совещание рекомендовало наиболее употребительный „полусухой“ способ, т. е. смешивание неоплодотворенной икры с молоками, разбавленными предварительно водой» (Материалы к познанию русского рыболовства, 1916).

Итак, мы видим, что основное открытие русского ученого-рыбовода выдержало испытание временем. На наш взгляд, было бы правильнее называть это открытие методом Врасского. Пусть за границей он по-прежнему остается «русским» способом, а у нас, на родине, было бы более справедливо называть его по имени первооткрывателя: «искусственное осеменение икры по способу Врасского», «искусственное разведение рыбы по методу Врасского». Это и точнее, и на слух воспринимается лучше, чем «сухой» или «полусухой» способ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОИСКА

Нельзя не признать, что совместная работа с доктором медицины Кнохом, а главное — опыты и наблюдения с помощью микроскопа были для Врасского хорошей школой, раздвинувшей границы его познания в своей специальной

области. В конце декабря 1856 г. Владимир Павлович проводил Ю. Кноха в Петербург. Он был очень доволен сотрудничеством со столичным коллегой.

Да и Кнох, судя по всему, уезжал из Никольского, довольный и гостеприимством хозяина, и результатами своей помощи ученому-экспериментатору. По возвращении в столицу он направил министру государственных имуществ записку, в которой писал: «Пусть французы возносятся тем, что их Гюнингенское заведение великолепнее всех на свете; пусть немцы гордятся Мюнхенским заведением, но эти заведения не соединяют в себе тех удобств, которыми обладает Никольское заведение. В этом последнем соединены все качества хорошего заведения, необходимые для успешного развития дела» (Судакевич, 1869).

После отъезда Ю. Кноха в Никольском не прекращались опыты над рыбьей икрой и молоками. Врасский, сделавший важное открытие в биологической науке и в рыбоводстве, не мог остановиться на этом.

Надо сказать, что в России в это время, т. е. в 1856—1857 гг., проблеме искусственного рыбоводства уделялось уже больше внимания, чем это было в предшествующий период. Само время и экономические потребности страны настоятельно требовали этого. Некоторые научные общества и правительственные учреждения начинали искать людей, на которых можно было бы опереться в налаживании нового большого дела. Но поиски эти не всегда были успешными.

В этом отношении более удачными были шаги, предпринятые Вольным экономическим обществом.[1] В предреформенный и пореформенный период это добровольное объединение ученых если не было, то во всяком случае хотело быть более вольным. Недаром в одно время против Общества возбуждалось дело по обвинению его в антиправительственной деятельности.[2] В те далекие годы оно действительно, вопреки желаниям правительства, способ-

---

[1] Оно находилось в Петербурге, в собственном доме по Царскосельскому проспекту, на углу 4-й роты Измайловского полка. Теперь это угол Московского проспекта и 4-й Краснoармейской улицы. В особняке размещаются дом-музей Г. В Плеханова и филиал Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

[2] ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 674, лл. 11—19, 29—39, 72—78.

ствовало экономическому и культурному развитию страны по пути прогресса.

Естественно, крупнейшее научное общество не могло стоять в стороне от судеб русского рыбоводства. 14 ноября 1856 г. состоялось собрание Третьего отделения Общества. Председатель отделения, статский советник С. М. Усов, как это видно из его донесения Совету общества,[3] высказал перед учеными мысль о необходимости создать в России толковое и, насколько возможно, полное руководство по искусственному размножению рыб. Он предложил составить такое руководство силами самих членов и сотрудников Общества. Заботы по редактированию и изданию книги он обещал взять на себя.[4]

Председатель ожидал, что среди его коллег непременно найдутся желающие написать столь нужный для страны труд. Но он, однако, обманулся в своих надеждах. Никто из участников собрания не предложил своих услуг. Вопросы искусственного рыбоводства, о которых много говорили и писали за границей, русским людям все еще были мало знакомы, несмотря на то, что академик К. М. Бэр в своих статьях уже несколько раз ставил эти вопросы в теоретическом плане. Ощущалась острая нужда в более популярной и практически применимой литературе по искусственному разведению рыбы.

Желая найти выход из положения, член Общества А. Х. Редер объявил собранию, что он только недавно получил из-за границы сочинение д-ра Фрааса «Die künstliche Fischerzeugung...». А. Редер предложил пока ограничиться переводом этой книги на русский язык, поскольку ничего другого он не предвидел. Тогда слово попросил Ф. А. Веймарн, тот самый Веймарн, у которого не более месяца тому назад побывал Врасский. Зная о плодотворных опытах своего соотечественника, о его достижениях в последнее время, Веймарн не мог не отвергнуть предложение Редера. Он рассказал об открытиях Врасского, о его практических успехах в новой и увлекательной области человеческой деятельности. Он предложил участникам авторитетного собрания обратиться

---

[3] Там же, д. 351, л. 31.

[4] С. М. Усов был одновременно редактором «Трудов Вольного экономического общества». Его иногда путают с С. А. Усовым, учеником и сотрудником К. Ф. Рулье, о котором речь впереди.

к ученому-рыбоводу с просьбой — поделиться своим опытом и знаниями с русским читателем.[5]

Сообщение Веймарна было выслушано с интересом, а его практическая рекомендация принята единодушно. И через некоторое время непременный секретарь Вольного экономического общества по поручению Совета этого общества направил Врасскому деловое письмо, которое представляет для нас несомненный интерес как одно из самых первых официальных признаний трудов и таланта неутомимого ихтиолога и рыбовода.

В письме говорилось, что Вольное экономическое общество, имея целью распространять общеполезные сведения по всем отраслям сельского хозяйства и промышленности, предполагает издать руководство по искусственному размножению рыбы. А потому не согласится ли господин Врасский обобщить собственные опыты и наблюдения, с тем чтобы его записки могли послужить материалом для составления такого научного руководства?[6]

Вторая попытка отыскать в России энтузиастов научного рыбоводства — неудачная попытка — была предпринята царским правительством. Случилось так, что в правительственных кругах в то время не знали ни о Петре Малышеве, хотя в 1856 г. он уже опубликовал свою оригинальную работу «Опыт искусственного оплодотворения рыб...», ни о Владимире Врасском, о котором, как мы видели, уже знали в одном из самых влиятельных научных учреждений столицы. Внимание министерских деятелей было направлено в другую сторону. В Центральном историческом архиве в Ленинграде, в фонде департамента земледелия, хранится специальное дело «О введении искусственного размножения рыбы при Горыгорецком земледельческом институте», из которого можно узнать следующее.

14 февраля 1857 г. Ученый комитет Министерства государственных имуществ рассмотрел вопрос об искусственном разведении рыбы.[7] Было решено начать это полезное дело в Горыгорецком земледельческом институте (в Могилевской губернии).[8] Комитет надеялся, что науч-

[5] ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 351, л. 31.
[6] Там же, л. 34.
[7] Там же, ф. 398, оп. 22, д. 7307, л. 2.
[8] Горы-Горецкие — теперь г. Горки Могилевской обл. (БССР). Там находится Белорусская сельскохозяйственная академия.

ные поиски будут поручены тому или тем из преподавателей, кто мог бы с интересом отнестись к этому важному начинанию. Но выбор пал на профессора Б. А. Целлинского, который читал лекции по курсу земледелия, готовил к опубликованию свой объемистый труд по методике преподавания земледелия в духовных семинариях и не проявлял интереса к рыбоводству.

Три месяца в институте тянулись предварительные переговоры. А весной 1857 г. вопрос вынесли на заседание институтского Совета. Председательствующий на заседании директор института А. Война-Курицкий объявил, что профессор Целлинский любезно «изъявил желание заниматься искусственным рыборазведением».[9] Директор выразил надежду, что Богдана Андреевича ждут большие успехи, потому что в Горах-Горецких имеются все условия для рыбоводства. Вблизи института протекают ключевые речки Проня, Поросица и Копылка, а в 14 верстах — Никодимовский мельничный пруд, довольно обширный и богатый рыбой. Война-Курицкий призвал преподавателей и адъюнктов оказать Целлинскому помощь, чтобы успешнее исполнить поручение министерства.

Но призывы председателя Совета не вдохновили профессора. Целлинский не скрывал, что для него искусственное разведение рыбы хотя и заманчиво, но обременительно. Оно потребовало бы частых и продолжительных отлучек, отвлекло бы его от прямых обязанностей в институте. Профессор уверял членов Совета, что Никодимовский пруд не подходит для опытов с рыбами, так как расположен далеко от института, а ближайшие речки хотя и неплохи на вид, но безрыбны, и просил принять во внимание, что, по его мнению, трудно придумать какие-либо надежные меры, чтобы рыбу не вылавливали посторонние лица. По этим причинам он не предвидел особенного успеха в задуманном деле и заявил, что не может взять на себя руководства им.[10]

Целлинского снова убеждали заняться искусственным рыбоводством. Два молодых адъюнкта, Александр Гинцель и Флориан Жебенко,[11] выступившие на заседании, обещали помогать ему «в этом действительно интерес-

[9] ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 22, д. 7307, л. 5.

[10] Там же, лл. 5, 6, 7, 9.

[11] Ф. Жебенко — впоследствии ученый-лесовод, профессор Горыгорецкого земледельческого института.

ном занятии». Под напором просьб и обещаний проф. Б. А. Целлинский все же согласился начать опыты по искусственному разведению рыбы, но, считая это обузой, оговорил, что будет заниматься опытами только в небольших масштабах и исключительно с учебной целью, и никаких серьезных исследовательских и производственных задач на себя не принял. А директор института Война-Курицкий после этого тоже сразу охладел к министерскому поручению. 5 июня 1857 г. он направил в департамент сельского хозяйства бумагу, из которой видно, что он по существу разделял консервативные взгляды Целлинского.

Так фактически было сорвано важное государственное задание. В Горыгорецком земледельческом институте не захотели утруждать себя делами, имевшими в то время большое значение для экономического развития страны.

В сравнении с этим фактом еще ярче выглядит кипучая, подвижническая деятельность В. П. Врасского. Он был захвачен подлинным творчеством. После отъезда петербургского коллеги, оставшись без хорошего микроскопа, он снова и снова проверял и уточнял свои выводы. «Сухой» способ осеменения икры, который при Ю. Кнохе испытывался на форелях и лососях, Врасский проверил на налимах, щуках, ершах и других породах рыб. И во всех случаях икра оплодотворялась полностью, почти без всяких потерь.

Первые большие открытия поставили перед рыбоводом множество новых вопросов. Напрашивались новые выводы и предположения, рождались гипотезы. Например, если можно оплодотворить икру, осеменяя ее не в воде, а «сухим» способом, в сосуде, то всегда ли рыбовод должен следовать строго за природой? Как можно использовать естественные законы, не нарушая их, для практических целей? Если икра и молоки не утрачивают жизнеспособность в сосуде без воды, то как долго это может продолжаться? Возможно ли сохранение половых продуктов рыб на более длительное время, чем это делалось на Никольском заводе? Почему различны отрезки времени между метанием икры и выходом мальков даже у рыб одной и той же породы? И что лучше — быстрое или медленное развитие зародышей? Вопросы, предположения, догадки, надежды и сомнения. В раздумьях и постоянном труде проходили у Врасского дни, недели, месяцы.

Вот почему, получив письмо из Вольного экономического общества, он не смог ответить на него положительно. Очевидно, рано был сделан этот запрос. Слишком много еще было неясного и незавершенного, хотелось прояснить хотя бы основное из того, что его волновало и мучило. Он пристально изучал, например, вопросы сортировки, хранения и инкубации икры рыб. А писать... писать о своих опытах и открытиях пока было рано.

К тому же у Врасского решительно не хватало на это ни сил, ни времени. Ведь он в этот период по-прежнему, хотя и менее систематически, управлял своим имением, а также продолжал строить и улучшать рыбоводный завод (на весну 1857 г. наметил сооружение новых прудов — в прежних рамках становилось тесно) и проводил научные эксперименты.

Целая серия зимних опытов принесла Врасскому новые открытия.

Во-первых, он узнал, что если икра лежит в сосудах с водой кучей, то она довольно быстро портится и гибнет. В тех случаях, когда икринки лежат слоем, но все-таки густо, близко одна к другой, крайние из них развиваются значительно быстрее, а зародыши в них бывают гораздо ярче по цвету и здоровее; икринки же, лежащие в середине, развиваются медленно, а то и вовсе погибают.

Во-вторых, Врасскому стало ясно, что время, проходящее между оплодотворением икры и выходом личинок, может быть очень различным. Есть рыбы, из икры которых личинки выводятся уже на третий день, у других пород этот процесс длится несколько недель; и даже у одной и той же породы рыб эти сроки не одинаковы и могут колебаться в очень широких пределах. Это зависит прежде всего от температуры воды: при низкой ее температуре развитие зародышей в икре замедляется. Владимир Павлович в одном случае получил мальков форели через 25 дней, в другом случае — на 183-й день. Но у рыбовода есть полная возможность либо еще ускорить, либо еще больше замедлить этот процесс.

В-третьих, стало известно, что температура воды и время развития сильно влияют на жизнеспособность зародышей. При медленном развитии в холодной воде они намного сильнее, живее, здоровее, чем зародыши-скороспелки, созревающие в теплой воде.

В-четвертых, опыты показали, что в так называемом сухом виде можно сравнительно долго хранить и молоки, и икру, помещая их в стеклянную или фарфоровую посуду, причем этот срок нетрудно удлинить, если в месте хранения создать пониженную температуру. Таким же способом можно сохранять уже искусственно осемененную икру.

Выводы относительно сроков сохранности икры представляли для Врасского особую ценность, так как были практически целесообразны. Они открывали перед ним заманчивую перспективу русского рыбоводства. У Владимира Павловича была заветная мечта — расселить ценные породы рыб по всем рекам и озерам Новгородчины, а потом и всей страны. Теперь он ясно понимал, что для этого нет нужды перевозить живую рыбу из одних мест в другие, часто отдаленные: достаточно переправлять икру и молоки, умело упакованные опытными людьми. А еще лучше перевозить оплодотворенную икру, сохраняемую по способу, разработанному самим Врасским. Такие перевозки были бы во много раз проще и дешевле, чем транспортировка живой рыбы. Экономическая выгода от этого могла быть особенно ощутимой при перевозках на дальние расстояния.

С весны 1857 г. деятельность Врасского получила новый размах. К достройке завода и к постановке интересных опытов прибавилась работа с заказчиками. Рыбопромышленники, помещики, некоторые добровольные общества и просто любители рыболовства просили его прислать оплодотворенной икры. Они хотели увеличить запасы рыбы в собственных или общественных местных водоемах. И создатель Никольского рыбоводного завода, откликаясь на эти просьбы, отсылал во многие адреса драгоценный груз — осемененную икру рыб — кому за деньги, а кому и бесплатно.

Эта работа, по сути своей торгово-хозяйственная, отнимала у него немало времени. Но она, как нам кажется, привлекала его тем, что в ней он видел начало осуществления своей мечты о заселении рек и озер России ценными породами рыб. Не только яркость исследовательского таланта, не только завидное трудолюбие, но и это умение думать о будущем родной страны отличало В. П. Врасского как ученого и как патриота.

ПРИЗНАНИЕ В УЧЕНОМ МИРЕ

С весны 1857 г. в Никольское стали приезжать крупнейшие биологи того времени. Все они отдали должное трудам и таланту молодого ученого.

Сначала на несколько дней из Москвы приехал проф. К. Ф. Рулье, известный естествоиспытатель, биолог-эволюционист. Кроме основной педагогической и научной работы на кафедре зоологии Московского университета, он был директором Комитета акклиматизации животных Московского общества сельского хозяйства. Очевидно, совсем не случайно этот человек первый заметил Врасского как новатора в науке. Оба они прокладывали новые пути в научном творчестве, и это объединяло их.

В весенний свой приезд Рулье лишь в общем ознакомился и с устройством завода, и с методами научной работы, которыми пользовался Врасский. Тогда у профессора не было времени вникнуть во все детали. Но его подкупало здесь все, что он видел и слышал. Он был поражен новизной суждений малоизвестного тогда ихтиолога и рыбовода, оригинальностью его экспериментов, экономической целесообразностью его рыборазводных сооружений.

По возвращении в Москву К. Ф. Рулье, видимо, поделился своими впечатлениями с профессором Киевского университета К. Ф. Кесслером, с которым он был в дружбе, переписывался и сотрудничал вместе с ним в журнале «Вестник естественных наук». Кесслер, уже тогда известный зоолог, будущий профессор и ректор Петербургского университета, живо заинтересовался Врасским и его опытами и тогда же, летом 1857 г., поехал в Новгородскую губернию, на Никольский рыбоводный завод.

В этом человеке с юных лет жила неутомимая страсть к путешествиям. Он много раз колесил по русским степным и лесным просторам, изучая богатейшую фауну нашей страны. Это был не только ученый, но и крупный общественный деятель прошлого столетия. В 50-х годах он начал подготовительную работу по созыву всероссийского съезда естествоиспытателей, будучи убежден, что такие съезды ученых для России совершенно необходимы. С этой целью он налаживал переписку и лично встречался со многими естествоиспытателями. Понятно, что

его поездка в Никольское была вызвана не только желанием увидеть интересные опыты в области научного рыбоводства. Его заинтересовала сама личность многообещающего исследователя.

Находясь в имении Врасских, Карл Федорович Кесслер долгими часами осматривал рыбоводный завод. Основатель завода рассказывал ему о своих опытах, о трудностях, которые он испытывал, показывал подопытную икру, мальков и взрослых рыб, выведенных искусственным путем и выращенных во внутризаводских бассейнах и в прудах завода. Показывая свои владения, Врасский не скрывал радости от того, что это создано его руками, что начатое им дело стало приносить плоды.

Через шесть лет проф. К. Ф. Кесслер писал: «В 1857 году, когда я имел удовольствие лично познакомиться с г. Врасским, он только что успел окончить устройство заведения для искусственного расположения рыб, радовался полученным им результатам и показывал мне несколько рыбок, им выращенных» (Кесслер, 1863).

И проф. Рулье, и проф. Кесслер проявили самое пристальное внимание к трудам новгородского ученого-рыбовода. Кесслер стал пропагандировать его опыты и открытия в своих лекциях и печатных трудах. Рулье делал больше: он не только пропагандировал, но методически, настойчиво добивался, чтобы открытия Врасского были официально признаны в научных учреждениях России. Он первый позаботился о том, чтобы общественное признание молодого ученого было закреплено организационно, в виде наград и избраний в члены научных обществ.

23 июля 1857 г. в Московской земледельческой школе состоялось экстраординарное собрание Комитетов акклиматизации животных и растений при Московском обществе сельского хозяйства. На этом собрании К. Ф. Рулье сделал доклад о Никольском рыбоводном заводе и деятельности его основателя В. П. Врасского. Оценивая общие успехи научных поисков рыбовода, докладчик отметил, что «г-н Врасский в деле рыбоводства решительно опередил иностранцев и достиг весьма важных результатов как научных, так и практических» (Протокол экстраординарного собрания, 1857).

Члены Комитета живо заинтересовались дотоле безвестным экспериментатором. Докладчик демонстрировал перед ними заспиртованные экземпляры зародышей, маль-

ков и двухгодовалой форели, выведенных искусственно на заводе в Никольском. К тому же новгородский рыбовод в то время прислал Комитету акклиматизации животных свои записки с приложением плана завода. Отдавая должное заслугам первооткрывателя, собрание постановило, во-первых, статью его опубликовать в «Записках Комитета»; во-вторых, просить «назначить особую комиссию для осмотра завода во время самого производства и засвидетельствования на деле замечательных успехов г. Врасского в рыбоводстве»; в-третьих, избрать Владимира Павловича Врасского в действительные члены Комитета акклиматизации (там же).

28 сентября 1857 г. на заседании Московского общества сельского хозяйства Рулье снова поднял вопрос о рыбоводном заводе Врасского и о распространении его метода искусственного разведения рыб в практике русского рыбоводства. Он отметил, что этот завод существует «на прочном основании современной науки» и что было бы полезно широко ознакомиться «с легчайшим способом извлекать верный доход из наших вод» (Экстраординарное заседание, 1857). А через несколько дней, 7 ноября, Совет общества образовал специальную комиссию в составе проф. К. Ф. Рулье и двух его учеников и ближайших сотрудников — С. А. Усова и Я. А. Борзенкова. Комиссии было поручено выехать на Никольский рыбоводный завод и собрать как можно более полные сведения о научной и производственной деятельности его основателя, обещающего своими трудами и открытиями принести великую пользу экономическому развитию страны.

Но прежде чем члены комиссии отбыли в Никольское, туда неожиданно приехал академик К. М. Бэр, основоположник эмбриологии, один из самых выдающихся натуралистов прошлого столетия. Он направлялся в Астрахань, чтобы возглавить экспедиционные работы в низовьях Волги и на северном Каспии. Тогда ему шел уже 66-й год, но это не мешало ему совершать далекие путешествия. В Валдае он сделал остановку, чтобы осуществить поездку в Демянский уезд.

Трудно сказать, какими путями дошли до него первые слухи об опытах Врасского. Скорее всего, он узнал об этом в Вольном экономическом обществе, почетным членом которого состоял; может быть, и через Московское общество сельского хозяйства, куда он «в уважение его

особенно глубоких заслуг» также был избран почетным членом в январе 1857 г. (Открытие Комитета акклиматизации..., 1857). Как бы то ни было, а его повышенный интерес к научным экспериментам в области искусственного разведения рыб был совершенно понятен. Сам он не только теоретически разрабатывал вопросы рыбоводства, но и проводил опыты на рыбах и других животных.

Поездка Бэра в Никольское — это, конечно, очень важная страница в биографии Врасского. Но она примечательна и в жизни знаменитого академика, потому что свидетельствует о широте его общественных взглядов и интересов, о его умении замечать и ценить новое в науке.

Опять Врасский водил по заводу нового гостя, самого известного из всех, кто побывал здесь в последние годы. Рассказывал ему короткую, но полную трудностей историю своего рыбоводного заведения, демонстрировал свои опыты и свой метод искусственного осеменения икры, причем теперь в его опытах было преинтереснейшее новшество, о котором пока не знали ни Рулье, ни Кесслер. К. М. Бэр увидел это собственными глазами раньше других ученых.

Новое в экспериментах Врасского состояло в том, что он в это время начал широко осуществлять гибридизацию рыб. Задавшись целью получить новые или улучшенные виды лососевых рыб, он обливал, например, икру свирской форели молоками невского лоха; икру кексгольмских (ладожских) и невских лососей — молоками местной валдайской или же острешенской форели; икру гатчинской форели — молоками лужского лоха, и т. д. Эти опыты вызвали у Бэра большой интерес. Как свидетельствовал К. Ф. Кесслер, прославленный академик поощрял рыбовода-новатора к продолжению начатого им дела.

Между тем Врасский послал проф. Рулье письмо, в котором извещал, что к нему на завод прибыл академик Бэр. Это сообщение ускорило отъезд членов комиссии Московского общества сельского хозяйства, которым хотелось, очевидно, обследовать работу Никольского рыбоводного завода в присутствии знаменитого ученого. Его советы и консультации могли быть очень ценны и полезны.

Комиссия сократила свои сборы до одних суток. Днем 9 ноября 1857 г. члены комиссии поездом прибыли на станцию Валдайскую, а оттуда на лошадях отправились

к озеру Велье, в Никольское. Вечером того же числа они прибыли на место, но академика Бэра не застали: он успел выехать из Никольского, так как спешил к устью Волги по своим неотложным делам.

На следующий день, с утра, К. Ф. Рулье, С. А. Усов и Я. А. Борзенков приступили к делу. Так как председатель комиссии уже многое знал о заводе, ему нетрудно было организовать работу так, чтобы не повторять известное, изученное и обследовать самое нужное, самое существенное. Им надо было уложиться в очень короткий срок.

Начали они с осмотра заводского здания, подробно ознакомились с внутренним оборудованием завода и с системой прудов. Так как строительство всего комплекса сооружений на Никольском рыбоводном заводе в то время еще не было закончено, нет надобности сейчас останавливаться на этом сколько-нибудь подробно (описание внутреннего устройства завода и системы прудов будет дано позднее). Здесь мы отметим только, что все, что к тому времени было построено и смонтировано на речке Пестовке, было высоко оценено членами комиссии.

Но больше всего их внимание было приковано к новым научным опытам рыбовода. Они обследовали многие пробы уже оплодотворенной икры, т. е. той икры, опыты над которой были проведены в присутствии академика Бэра и накануне его приезда. «Икра свирской форели, молоки невского лоха» — такие и подобные надписи видели московские гости у бассейнов. Это были опыты гибридизации рыб. Убедившись, что степень оплодотворенности икры очень высокая, члены комиссии определили: «Результат еще небывалый» (Донесение, 1857). Этот вывод относился ко всем опытным скрещиваниям, произведенным в присутствии К. М. Бэра.

По просьбе москвичей Врасский на их глазах проделал опыт искусственного размножения форели. Сначала все отправились к сажалкам, устроенным в пруду у самой плотины. Там рыбовод выловил самку и завернул ее в полотенце, чтобы она не скользила в руках. Ее принесли в помещение и некоторое время держали на столе, прижимая руками. Как сказано в донесении комиссии, «рыба билась и извивалась весьма сильно, но ее крепко держали, прижимая спиною к столу, тем утомили и обессилили...» (Донесение, 1857). После этого самка легко отдала икру, которую взяли от нее в сухую тарелку.

Потом принесли самца, его молоки точно так же слили в сухую глубокую тарелку, часть их разбавили водой и ими тут же облили икру. Минуты через три икру промыли и сложили в специальный сосуд, в так называемый гнездовый ящик. Как отметила комиссия, вся процедура оплодотворения форельей икры длилась не более пяти минут. Неиспользованную часть молок запечатали в сухую пробирку и поставили в холодную воду на более длительное хранение.

Один из самых интересных опытов Владимир Павлович подготовил специально для К. Рулье, С. Усова и Я. Борзенкова. Он решил при них проверить, годится ли для оплодотворения икра уже уснувшей рыбы. Главным стимулом поисков ответа на этот вопрос, как и во многих других случаях, были практические нужды.

Перевозка живой рыбы часто связана с большими трудностями на дальних дорогах. В пути бывает много потерь ценнейшего груза: рыбы-производители гибнут то от недостатка кислорода, то от физических повреждений, то еще по каким-нибудь причинам. Но гибель самки означает ли одновременную гибель ее половых продуктов? Нельзя ли такую икру все-таки пустить в дело, избегая тем самым больших убытков от перевозок?

Чтобы ответить на эти вопросы, Врасский еще до приезда комиссии отправил Матвея Рулева в Петербург с поручением: закупить там икрянок невского лосося, оглушить их на месте и, уложив в ящик, привезти в Никольское сначала по железной дороге, а затем, от станции Валдайской до дома, на лошадях.

К вечеру 11 ноября М. В. Рулев доставил на завод пять огромных рыб. Владимир Павлович тотчас же приступил к искусственному осеменению их икры уже обычным для него сухим способом. Молоки он брал от самцов, выловленных из пруда. Ловить их пришлось в темноте, под дождем и ветром. Работа затянулась надолго, и поэтому часть икры пришлось оставить до утра не обработанной молоками и, следовательно, неоплодотворенной. Как показал опыт, икра недавно уснувших рыб оказалась совершенно жизнеспособной и пригодной для искусственного осеменения. Это была новая важная победа, имеющая значение для научного рыбоводства.

Вечером 12 ноября, накануне отъезда в Москву, члены комиссии собрались в кабинете Владимира Павловича,

чтобы по свежим следам, по живым впечатлениям написать отчет о своей поездке в Никольское. В тот вечер и родилось на свет «Донесение членов Комиссии для освидетельствования рыбного завода г. Врасского» — документ, значение которого мы пытались особо подчеркнуть, говоря об источниках. Среди многих мыслей, высказанных авторами в этом документе, хотелось бы выделить следующие.

1. Авторитетная комиссия, состоящая из видных ученых-биологов, высоко оценила личные качества основателя Никольского рыбоводного завода, и прежде всего его эрудицию и бескорыстие, его стремление популяризовать то дело, которому он посвятил себя беззаветно. «Владелец завода, как нельзя лучше знакомый с современным состоянием науки и практики, ничего от нас не скрывая, щедро делился и знанием своим и опытом» (Донесение, 1857).

2. Так же высоко комиссия оценила научные открытия Врасского, имеющие огромную практическую ценность. При этом из всех достижений ученого-рыбовода комиссия особо выделила три: открытие нового метода искусственного осеменения икры; разработку способов сортировки, очистки и инкубации икры; отыскание новых приемов кормления и выращивания молоди рыб. «Практика Никольского завода, — говорится в донесении, — вносит в науку новое приращение, упрочивающее успех в новой отрасли народной промышленности, которая умножает пищу и промысел, в особенности любимый русским народом» (там же).

3. Члены московской комиссии, наконец, дали достойную оценку созданному Врасским рыбоводному заводу, который уже тогда вполне отвечал практическим, производственно-экономическим целям российского рыбоводства. «Если бы, — читаем мы в донесении комиссии, — Никольское заведение не было первым по времени в России, так оно по характеру своему решительно первое не только в России, но и из первых за границею» (Донесение, 1857).

Говоря о признании заслуг В. П. Врасского в научном мире, нельзя не упомянуть о следующих фактах. По отчету комиссии, обследовавшей Никольский рыбоводный завод, Московское общество сельского хозяйства на своем очередном собрании 16 ноября 1857 г. определило: «господина Врасского, в изъявление уважения к его полезным

трудам, избрать действительным членом Общества, а заведение его принять под особое покровительство, донеся о том Министерству государственных имуществ и внутренних дел...» (Протокол заседания Моск. общества, 1857).

А когда Общество сельского хозяйства выделило Комитету акклиматизации животных одну золотую медаль для поощрения лучших научных достижений в своей области, члены Комитета единодушно присудили ее Владимиру Павловичу Врасскому. Решение это было утверждено на годичном собрании Общества. Но это не все. Вслед за этим такая же награда русскому рыбоводу пришла из Франции, от Парижского общества акклиматизации. Эта вторая золотая медаль означала, что со второй половины 50-х годов XIX в. началось официальное признание научных и практических успехов Врасского за границей, в мировой науке.

УСТРОЙСТВО ЗАВОДА. СИСТЕМА ПРУДОВ

После отъезда академика К. М. Бэра, проф. К. Ф. Рулье и других членов комиссии, ободренный их поддержкой, Владимир Павлович решил заново перестраивать свой рыбоводный завод. Он хотел расширить само здание завода, улучшить его внутреннее оборудование и создать более широкую и более совершенную систему прудов.

Врасский знал достоинства внутреннего оборудования своего завода, всего того, что находилось в стенах деревянного здания, хотя и здесь не все было доделано. Но он отлично понимал, что система прудов у него пока много беднее, чем в лучших рыбоводных заведениях Западной Европы (в частности, в Гюнингене), и не мог довольствоваться таким положением.

В конце 1857 г. и в следующем, 1858 г. строительные работы в Никольском продолжались довольно интенсивно. Сооружались пруды, совершенствовалось внутреннее оборудование завода. Но к концу этого периода основатель рыбоводного заведения стал все более ощущать недостаток денежных средств. К 1859 г. затраты на строительство составили уже не менее 40 тысяч рублей. Свободных средств у Врасского больше не было. Правда, в это время

кое-что давала продажа мальков и оплодотворенной икры. Однако пока это был довольно слабый и ненадежный источник дохода. Поэтому нужда в деньгах грозила не только заводу, но и всему хозяйству.

И все-таки Врасский смело шел на новые затраты, может быть даже в ущерб животноводству и земледельческим работам. Признание его заслуг в ученом мире еще больше придавало ему сил и уверенности в успехе.

Постепенно к концу 50-х годов Никольский рыбоводный завод приобрел тот вид, те очертания, которые он в основном сохранял и в прошлом столетии, и в дореволюционные годы XX в., и в советское время — вплоть до Великой Отечественной войны, когда все заводские постройки были разрушены в результате немецко-фашистской оккупации. Но система прудов сохранила свой облик до наших дней, претерпев лишь некоторые изменения.

Как же выглядел завод — и все основные сооружения при нем — во времена Врасского, в те годы, о которых идет речь? Более или менее подробные сведения об этом дают нам такие литературные источники, как уже упоминавшиеся донесение членов московской комиссии и работа Ф. Судакевича, а также обстоятельная статья К. К. Гильзена, написанная позднее по результатам исследований 1900 г.

Начнем с внешнего вида и с места расположения заводского корпуса. Сравнительно обширное, под железной крышей, приземистое деревянное здание стояло ниже плотины большого Заводского пруда, в искусственно созданной лощине. Чтобы его не затопляло во время половодья, Врасский и его помощники в свое время подняли берег речки сажени на полторы выше обычного уровня пруда. При таком устройстве плотины вода, даже при самом высоком уровне, не заливала берега и не угрожала заводу. В любое время она могла быть отведена по канаве в другой пруд, в сторону от заводского здания. «Плотина чрезвычайно проста, прочна и остроумно придумана», — отметили К. Рулье, С. Усов и Я. Борзенков (Донесение, 1857).

Схема внутреннего устройства завода, которая перепечатана здесь из книги Ф. Судакевича, дает достаточно наглядное представление о целесообразном, глубоко про-

думанном расположении внутризаводских рыборазводных гидросооружений, о тонкой изобретательности их создателя. Попытаемся более или менее подробно разобраться в этой схеме.

Как видно из рисунка, в глубине здания, поблизости от стены, обращенной к заводскому пруду, находился

Здание Никольского рыбоводного завода в начале XX в. Фот. А. А. Лебединцева.

большой глубокий чан, так называемый «уравнитель» (*А*). Он был назван так потому, что уровень воды в нем был одинаков с уровнем пруда, который питал его через водопроводную трубу (*ж*).

Из уравнителя вода распределялась в большой бассейн (*Б*) и в два фильтра (*В*), расположенные рядом с уравнителем. Большой бассейн разделялся на три отдела, или сектора, которые стояли на разных уровнях, т. е. один на несколько сантиметров ниже другого. Последовательно протекавшая через них вода создавала своеобразный спокойный каскад. Дно большого бассейна покрывалось про-

мытым песком и некрупными камнями. В нем содержались рыбы-производители, подготовляемые для проведения научных опытов и производственных циклов искусственного

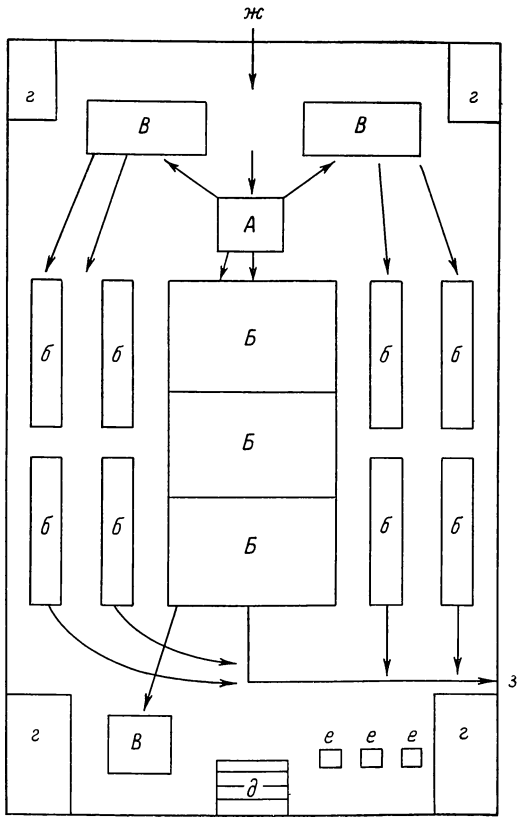

Схема внутреннего устройства Никольского рыбоводного завода. Объяснения в тексте. (По Судакевичу, 1869).

осеменения икры, или же молодые рыбы до их выпуска в пруды.

Из большого бассейна основная часть воды поступала в общую выводную трубу (*з*), по которой она уже за пределами помещения шла в канаву, а по канаве — в небольшой Ивановский пруд, расположенный ниже заводского

здания. Некоторая часть воды из большого бассейна по трубке передавалась в фильтр, находившийся у входа в завод (*д*). Как и в других фильтрах, вода здесь просачивалась через слои песка и угля, а затем через трубку, проведенную под полом, передавалась в так называемые оплодотворительные баки (*е*), находившиеся по другую сторону у входа. По-видимому, они располагались на большом столе или же рядом со столом. Само название этих баков говорило о их назначении: здесь в проточной воде находилась икра, предварительно осемененная по методу Врасского, и шел процесс развития зародышей — до выхода личинок рыб.

Из фильтров, находившихся рядом с уравнителем, вода распределялась по малым бассейнам (*б*), которые попарно располагались в ту и другую сторону от большого бассейна. Протекая по их песчаному дну, вода поступала в общую выводную трубу. Малые бассейны предназначались для содержания в них искусственно выведенной молоди рыб (до высаживания в пруды). В них же при необходимости можно было и помещать искусственно осемененную икру, и держать мелкую, малоценную рыбу, которую скармливали рыбам-производителям.

Во всех четырех углах в заводе стояли печи (*г*) для отапливания помещения в холодное время года. Вдоль стен, где это было удобнее, располагались узкие шкафы и столики с пробирками, фарфоровыми тарелками, с принадлежностями для записей о проводимых опытах и т. д. А в общем внутреннее устройство завода было очень компактным и удобным для работы.

Не меньше разумной выдумки вложил Врасский и в решение инженерных и архитектурно-планировочных задач при создании системы прудов. В верховье речки Пестовки, в самом ее истоке, у Пестовского озера, он устроил плотину для регулирования притока воды в заводские водоемы. Современники Владимира Павловича отмечали, что сооружение этой плотины — тоже большая удача, плод его усилий и изобретательского ума.

При жизни Врасского самым верхним из прудов, лежащих непосредственно на русле реки, был Каменный, иначе — Каменная плотина.[1] Недалеко от него в речку

[1] Позднее, при О. А. Гримме, выше него был сооружен так называемый Новый пруд.

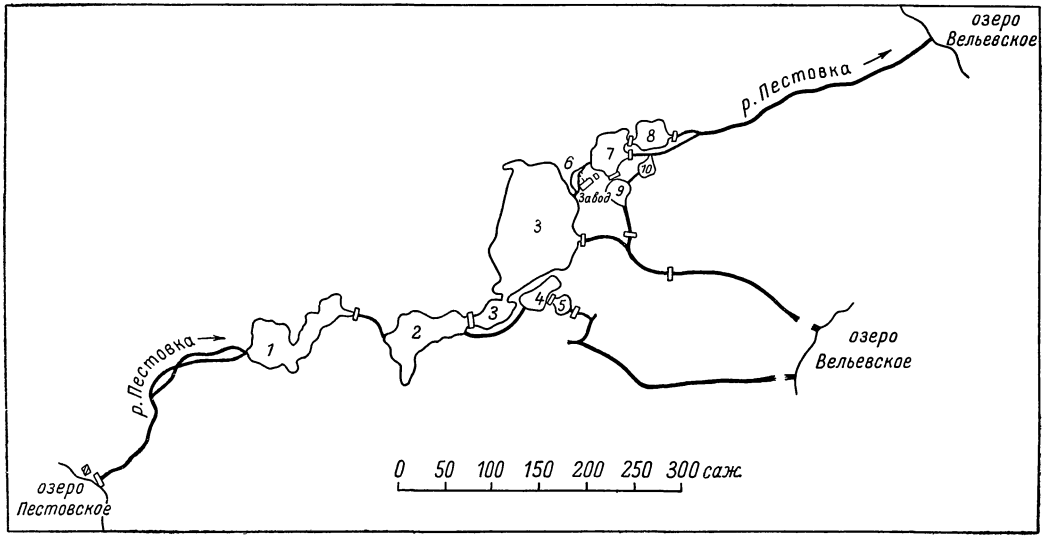

Схема расположения прудов Никольского рыбоводного завода.

1 — Новый пруд; *2* — Каменная плотина; *3* — Заводской пруд; *4* — Первый Карповый пруд; *5* — Второй Карповый пруд; *6* — Ивановский пруд; *7* — Банный пруд; *8* — Мельничный пруд; *9* — Сиговый пруд; *10* — Язевый пруд.

Пестовку впадал родниковый Церковный ключ, отчего вода в этом пруде была холоднее, чем в других. Форма его продолговатая, с довольно большим треугольным выступом в южную сторону.

Ниже Каменной плотины находился Заводской пруд, самый большой в Никольском. Площадь его составляла свыше 20 000 м^2, средняя глубина водоема — 1.5 м. По своей конфигурации он распадался на две самостоятельные части, соединенные между собою узкой протокой. Нижняя часть, содержавшая основную массу воды, примыкала к заводскому зданию и питала водой все расположенные в нем бассейны и баки. В этом пруде, на дне которого произрастали стрелолист, ряска и другие растения, содержались форели, сиги, стерляди.

Ниже заводского здания был Ивановский пруд, маленький, узкий, с относительно быстрым течением воды. Из растений в нем преобладал хвощ. Следующим вниз по течению речки был Банный пруд, площадью свыше 5000 м^2 и средней глубиной 1.8 м. В нем в изобилии росли рогоз и кувшинка. Дно его было усеяно раковинами моллюсков. В этот пруд высаживались разные рыбы, но главным образом лини, караси.

Ниже всех на русле речки располагался Мельничный пруд площадью в 3640 м^2, неглубокий, с илистым дном. В нем и тогда, и позже содержалась молодь форели. Напором воды из этого пруда обеспечивалась работа мельницы.

Кроме названных пяти основных прудов, на Никольском рыбоводном заводе было построено еще три небольших водоема, которые расположились уже не на русле речки, а в стороне от него. Это были Первый Карповый, Второй Карповый и Сиговый пруды.[2] Названия их также соответствовали назначению. В Карповые пруды вода забиралась из Каменного пруда, а из них отводилась по специально прорытой обводной канаве в Велье-озеро. В Сиговый пруд воду подавал по канавке Заводской, а из Сигового она уходила в Банный.

Более наглядно расположение прудов Никольского завода видно на приведенной схеме. Можно добавить лишь, что все пруды уже в те времена были окаймлены деревь-

[2] Впоследствии ниже Сигового пруда был еще построен Язевый, питающийся водой из Банного пруда и отдающий ее в Мельничный.

Вид на Банный пруд в Никольском. Фот. К. Ф. Федюкина.

ями и кустарниками. Больше всего там березы и ясеня. Рядом с Сиговым прудом, по насыпи, пролегла тенистая аллея, которая вела к новенькой конторке Врасского и дальше — к зданию рыбоводного завода. Здесь, у Сигового пруда, был создан едва ли не самый живописный уголок во всем имении Врасских.

Общая распланировка прудов, их конфигурация, их береговое убранство и в наши дни напоминают о том, что В. П. Врасский думал не только об интересах науки и удобствах производства. Он заботился и о красоте, столь необходимой людям.

РЕЧНАЯ БАРКА ВРАССКОГО

От Никольского до ближайшей железнодорожной станции, по тогдашним измерениям, было почти 80 верст.[1] Но совсем рядом расположено озеро Велье. Из него вытекает река Явонь, впадающая в Полу, а Пола — приток полноводной Ловати. При желании можно выйти туда на каком-нибудь легком баркасе, а там уже совсем недалеко до Ильмень-озера. Оттуда, если надо, можно идти по Волхову, по Ладожскому каналу, по Неве — в Петербург, на Финский залив.

Но есть и другой водный путь из лесной валдайской глуши на просторы России. Недалеко от Никольского раскинулось озеро Селигер, извилистое, живописное, богатое. Если начать путь, например, от села Полново-Селигер, то можно на суденышке или на большой шлюпке пройти по протокам и плесам роскошного озера до Осташкова. Или же можно, миновав этот город, по реке Селижаровке выйти на Волгу, а там открыта дорога на Тверь, на Рыбинск и Нижний Новгород, вплоть до Астрахани, до Каспия.

Врасский мечтал о перевозке рыбы на далекие расстояния. Для осуществления этой мечты ему до крайности нужна была легкая баркa, в которой можно было бы без существенных потерь перевозить по рекам страны рыб-производителей и молодняк лососей, форелей, сигов, налимов, линей, ряпушек — словом, любой живой рыбы.

---

[1] Около 85 км.

Весной 1858 г., оставив важные дела в Никольском, владелец завода отправился на поиски подходящего живорыбного подвижного садка. В Петербурге он исходил все набережные Невы, Фонтанки, побывал на всех Невках, но ничего привлекательного не нашел. Оттуда поехал в военные поселения на Волхов и Ловать, но и там не встретил ни одного доброго садка, пригодного для задуманной цели, для его неотложных промысловых и научных нужд. У берегов российских рек стояли тысячи утлых рыбацких лодок. Были толстобокие, неуклюжие, громоздкие барки. Но все это было не то, что надо.

Врасский вернулся домой с пустыми руками, огорченный своей неудачей в этих поисках. Но и здесь он не сдался на милость судьбы. Он сам задумал сконструировать барку-садок. И тогда в результате напряженной работы появилось на свет новое изобретение. Появилось сначала в виде чертежа на бумаге, а затем — воплощенное в дерево и металл.

Была создана хорошая речная барка, предназначенная для перевозки живой рыбы на далекие расстояния. Это тоже свидетельство яркой одаренности Врасского. Он был юрист, дипломат, сельский хозяин, ихтиолог, основатель научного рыбоводства. Казалось бы, не так уж близка ему инженерная мысль. А он легко, даже с блеском решал технические задачи.

В свое время о садке В. П. Врасского писали некоторые газеты и журналы. У самого изобретателя эта техническая новинка была отражена в чертежах и пояснениях к ним, сохранившихся в Центральном историческом архиве в Ленинграде, в фонде департамента земледелия.[2]

Садок Врасского можно представить себе в таком виде. Основу его составляли две узкие барки, скрепленные между собой поперечными и продольными брусьями. Дно и бока их совершенно не пропускали воду. Одна из них составляла правый, а другая — левый борт садка. Они предназначались для того, чтобы удерживать его на плаву и регулировать ватерлинию, т. е. больше или

---

[2] ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 22, д. 7750, лл. 4—8а. (О выдаче 10-летней привилегии колл. секретарю Врасскому на изобретенный им садок для перевозки и содержания живой рыбы).

меньше, по усмотрению проводника, погружать садок в воду. Пространство между боковыми барками, заделанное дырчатым днищем, конусной стенкой с носа и прямой поперечной стенкой с кормы, служило вместилищем для живой рыбы. В совокупности получалась едипая речная барка, компактная, очень ходовая, экономичная, пригодная для перевозки живой рыбы на большие расстояния.

Если боковые барки на ходу заполнялись водой, то весь садок давал осадку, рыба оказывалась в свежей проточной воде на достаточной глубине. Так ее можно было перевозить хоть на тысячи верст. А когда в садке не было живой рыбы, то опорожнялись бортовые барки — и вся посудина держалась на поверхности воды, легкая, почти как обычная лодка.

Правда, садок имел отдельные конструктивные недоделки, которые сам изобретатель еще не успел устранить. Но в общем для того времени это была очень хорошая барка, обещавшая рыбоводам и рыбопромышленникам большие выгоды и удобства.

16 июля 1858 г. Врасский подал прошение о выдаче ему десятилетней привилегии на его изобретение. Этот документ сам по себе довольно примечателен. В нем ярко отразилось стремление Владимира Павловича приносить своими трудами и изобретениями общественную пользу. В данном случае выясняется, что он, создавая барку, исходил не столько из личных побуждений и из потребностей своего завода, сколько из экономических нужд страны. В частности, его толкнули на это большие неудобства, трудности и дороговизна перевозок рыбы, отчего цены на нее взвинчивались и в обеих столицах, и в других городах России.

Главную причину дороговизны живой рыбы Врасский видел в несовершенстве подвижных садков, которые применялись в то время на русских реках и озерах. Их нельзя было буксировать пароходами. Вода в таких садках обменивалась нерегулярно и с большим трудом. Рыба обычно не выдерживала таких условий, часто заболевала или просто задыхалась без кислорода. Чтобы возместить эти огромные потери, неизбежные при такой транспортировке, рыбопромышленники вздували цены на те остатки живой рыбы, которые им все же удавалось доставлять в города.

Но при всей дороговизне качество этого товара, естественно, было невысоким. Как сказано у В. П. Врасского, «в продажу нередко поступает заболевшая и полусонная рыба, и то по такой дорогой цене, что доступна только более зажиточному классу людей».[3] Желая устранить эту ненормальность и сделать рыбу доступной для всех потребителей, Владимир Павлович и предложил ввести в рыбопромышленный обиход изобретенную им барку.

В конце июля 1858 г. запрос новгородского рыбовода о выдаче десятилетней привилегии на его техническое изобретение рассматривался в департаменте земледелия Министерства государственных имуществ. Это было первое предварительное обсуждение. А 13 октября вопрос этот был вынесен на заседание Ученого комитета министерства. Здесь обсуждение в общем-то несложной проблемы было обставлено более солидно.

В роскошном собственном доме министерства, у Синего моста, собрались высокие чиновники, представители агрономической науки, знатоки прикладной механики. Ученый Комитет заслушал отзыв академика Н. И. Железнова. Сущность его рассуждений, судя по протокольной записи, сводилась к следующему.

В садке В. П. Врасского рыбе создаются все условия для нормального образа жизни. Таким способом рыбу можно перевозить совершенно здоровой и без потерь. Изобретатель остроумно придумал несложное устройство, с помощью которого в садке регулируется быстрота течения воды и глубина погружения барки. Садок очень удобно очищать от грязи. В нем легко можно во всякое время проверять количество рыб и следить за их здоровьем. «Нет сомнения, — заключил академик, — что эти обстоятельства будут содействовать впоследствии доставлению к местам сбыта большого количества хороших пород рыбы, к уменьшению ее ценности (т. е. цены, — К. Ф.) и вообще к развитию у нас рыбного промысла... По всем этим причинам нет препятствия к выдаче г. Врасскому просимой им привилегии».[4]

---

[3] Там же, л. 3.

[4] ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 22, д. 7750, лл. 18, 19 (Протокол заседания Ученого комитета Министерства государственных имуществ 13 октября 1858 года).

Еще через месяц прошение Врасского рассматривалось на Совете Министерства государственных имуществ. А после этого довольно пухлое «Дело о выдаче привилегии отставному коллежскому секретарю Врасскому» было направлено в Мариинский дворец, в канцелярию Государственного Совета. 16 марта 1859 г. князь А. Ф. Орлов, председатель Государственного Совета, подписал распоряжение, в котором было сказано: «Его Императорское величество мнение Государственного Совета о привилегии коллежскому секретарю Врасскому на садки для перевозки и содержания живой рыбы высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить».[5] Наконец, Правительствующий Сенат постановил изобретение В. П. Врасского «привести во всеобщую известность», опубликовав в «Сенатских ведомостях».[6]

О чем говорили все эти решения? С одной стороны, они свидетельствовали о том, что к изобретению Врасского было проявлено известное внимание. Занятые люди собирались на заседания, выступали, обсуждали, оценивали оригинальную техническую новинку. Многие из них были истинно заинтересованы в том, чтобы это изобретение получило широкое применение в рыбопромышленности. Нельзя усомниться, например, в добрых намерениях академика Н. И. Железнова. С другой стороны, обсуждая вопрос о выдаче привилегии, высшая государственная бюрократия едва ли выходила за рамки формального выполнения служебного долга.

О безразличии правительственных кругов к интересам изобретателя свидетельствовал и такой факт. Привилегия была выдана на десятилетний срок, причем в тексте ее было оговорено, что она может быть ликвидирована в случае, если изобретение не будет введено в практическое употребление в течение $2^1/_2$ лет. Случилось так, что в дальнейшем Министерство государственных имуществ не оказало Врасскому достаточной поддержки. Его изобретение в сущности не было признано и оценено в рыбоводстве и в рыбной промышленности. Поэтому оно не получило широкого применения, о котором мечтал его создатель и которого оно было достойно. К сожалению, оригинальным садком для пере-

[5] Там же, л. 49.
[6] Там же, л. 59.

возки живой рыбы пользовался только сам владелец Никольского завода. И поэтому тот же князь Орлов вскоре подписал новое распоряжение, извещавшее о царском повелении аннулировать десятилетнюю привилегию. «После смерти Врасского, — читаем мы у Ф. Судакевича, — барка осталась без употребления» (Судакевич, 1869).

РЫБОВОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

Время бежало быстро. События — и радостные, и грустные — сменяли друг друга. 23 мая 1859 г. в Никольском скончался старый помещик Павел Николаевич, а через год с небольшим, 18 июня 1860 г., умерла Александра Николаевна. Похоронив родителей, В. П. Врасский лишился старших советчиков и помощников в хозяйстве. На его плечи теперь легли дополнительные заботы и обязанности. А рыбоводство, которое он с каждым годом развивал все шире, требовало от него всех сил и способностей.

В 1860 г. он предпринял поездку на своей барке в Астрахань, в устье Волги, за стерлядью, волжскими лососями и другими ценными породами рыб. К сожалению, об этой поздке мы знаем очень немного. Известно лишь, что речное путешествие было длительным. В своем садке Врасский увозил волжскую рыбу в Москву, Петербург и к себе на завод. Его помощником на барке, его верным спутником был Матвей Рулев. Вот, пожалуй, и все сведения, сохранившиеся об этой поездке в разрозненных архивных бумагах и печатных изданиях.

Кстати сказать, М. В. Рулев, этот неграмотный крепостной, был замечательным работником. В дни плавания на барке, буксируемой пароходом, он проявил такую заботу о рыбе, о ее сохранности, что Владимир Павлович решил доверить ему все перевозки этого ценного живого груза. По возвращении в Никольское он назначил Рулева постоянным работником завода, освободив его от крепостной зависимости.[1]

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 1, д. 10871, лл. 1, 6, 12.

В 1860 г. число работающих на рыбоводном заводе увеличилось вдвое, если не больше. Григорий Ефимов был назначен старшим надсмотрщиком завода, его помощниками — Рулев и Лебедев. Из Финляндии был приглашен 22-летний Карл-Август Гельстрем, уроженец Гельсингфорса, познакомившийся с рыбоводством еще на своей озерной родине. Ему был поручен присмотр за внутренним оборудованием и внутренним содержанием завода.[2]

Несколько позднее на должность надсмотрщика, а затем рыбовода Врасский принял А. В. Ирашина, добросовестнейшего молодого гидробиолога. Александр Васильевич оставил очень заметный след в истории Никольского рыбоводного завода, в изучении озер Валдайской возвышенности.

Вообще говоря, к началу 60-х годов прошлого столетия Никольский завод превратился в основной научный центр рыбоводства и озероведения в России. Как свидетельствует А. А. Лебединцев, увеличить на заводе число сотрудников и практикантов, научить их любить рыбоводство было сокровенной мечтой Владимира Павловича Врасского.

Развертывать научную работу, однако, мешал трудно преодолимый барьер — частное дворянско-феодальное владение озерами. Когда-то император Петр I, ограждая морские промыслы от монопольных притязаний, повелел: «... воды морские, даже при местах, действительно заселенных, частному владению подлежать не могут, но должны оставаться в общем и свободном для всех пользовании».[3]

К несчастью, такого указа не было в отношении пользования богатствами озер. И Врасскому пришлось арендовать водоемы у местных землевладельцев, дополнительно затрачивая на это средства, в которых у него и без того была крайняя нужда.

Сначала он у своей тетушки, помещицы П. Н. Жеребцовой, заарендовал озеро Пестовское, не очень большое, но с хорошей свежей водой, богатое планктоном, вполне пригодное для целей искусственного рыбоводства, — за-

---

[2] Там же, лл. 1, 6, 13.

[3] Цит. по архивному документу: Записка о нуждах Каспийского рыбоводства. ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 351, л. 106.

арендовал на сравнительно сносных условиях. Труднее досталась аренда озер Велье и Валдайское. Большие размеры этих водоемов не могли не ударить чувствительно по карману арендатора. Особенно это относилось к Валдайскому озеру, очень обширному и к тому же лежащему рядом с уездным городом. Это последнее обстоятельство неизбежно увеличивало арендную плату.

И все-таки все эти озера были арендованы и составили водные угодия Никольского завода. Врасский получил возможность в широких масштабах заселять рыбой эти превосходные водоемы, изучать гидробиологические условия выращивания рыбы. Наука получила богатейшую материальную базу. Озера Валдая становились обширной лабораторией под открытым небом. Но аренда озер и заселение их ценными породами рыб еще в большей степени преследовали практические цели: давали возможность увеличивать производство ценных пищевых продуктов, столь необходимых в продовольственном балансе России. Теперь уже не в мечтах, а на деле Владимир Павлович осуществлял свои же слова: «Из озер мы будем черпать золото ковшами» (Гримм, 1921). Врасский заселял рыбьей молодью озера Валдайской возвышенности, зная, что через некоторое время это может принести огромные богатства.

Аренда озер, правда, в первое время осложнила взаимоотношения Врасского с крестьянами, жившими на берегах этих водоемов. Запрет ловить рыбу вызвал у них серьезное недовольство. А рыбачить они все равно продолжали, хотя бы украдкой, ночью, подальше от заводских надсмотрщиков.

Основатель рыбоводного завода, конечно, хорошо понимал, насколько важно для крестьян пополнять рыбой свои скудные продовольственные запасы. Поэтому он, руководствуясь чисто гуманными соображениями, в ущерб своему делу пошел навстречу нуждающимся. Заводским работникам было дано указание, чтобы они не препятствовали жителям прибрежных сел и деревень ловить рыбу удочками и другими легкими, непромысловыми орудиями лова.

Слов нет, это была всего лишь полумера. Она не могла устранить противоречий между крестьянами и владельцем завода. Мужиков все равно ограничивали в уловах. Более ценные породы рыб добывать запрещалось, а явное

браконьерство преследовалось. Но тем не менее упомянутая уступка нового арендатора не могла не смягчить отношения к нему со стороны крестьян. Судя по некоторым литературным источникам, при жизни Врасский пользовался их расположением.

Владение большими и богатыми озерами, пусть на правах временной аренды, открывало перед Владимиром Павловичем новые возможности и перспективы, и он стремился быстрей завершить перестройку системы прудов и всего завода. К сожалению, у него не хватало на это средств.

Ирония судьбы: русский метод искусственного разведения рыбы, открытый Владимиром Врасским, получил мировую известность, его стали применять во всех рыборазводных заведениях земного шара, из него извлекали пользу рыбопромышленники всех стран, наживая на этом огромные капиталы, — но не было денег у самого изобретателя этого метода. Он вложил в дело уже 60 000 рублей — все, что имели его родители и что сам он смог выручить от своего хозяйства. А перестройка завода требовала новых и новых затрат.

Врасский упорно искал выхода из финансового тупика. И тогда пришла мысль об организации Товарищества. Он считал, что доказать и утвердить заветную идею он сможет только на путях частного предпринимательства, не рассчитывая на помощь государства. Но если создать Товарищество, то за счет денежных вкладов пайщиков можно было бы продолжить переоборудование рыбоводного завода. Ему хотелось сейчас же, незамедлительно найти себе компаньонов. С этой целью он срочно выехал в Петербург, где должен был провести несколько дней в переговорах с более или менее состоятельными людьми.

По прибытии в столицу он прежде всего побывал у Ивана Константиновича Решеткина. Это был тоже воспитанник Дерптского университета, — правда, учившийся там несколько позднее Врасского, — тоже большой почитатель науки, кандидат историко-филологического факультета.[4] Результаты их переговоров оказались лучше, чем можно было ожидать. И. К. Решеткин без лишних слов согласился войти в предполагаемое Товарищество.

[4] ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. 20104, л. 9.

Кроме того, один из братьев Ивана Решеткина, Павел Константинович, выпускник Петербургского университета,[5] также изъявил готовность внести свой денежный пай в предприятие Врасского.

Видимо, с помощью братьев Решеткиных удалось привлечь четвертого компаньона — Николая Бенардаки. Это был тоже выпускник Петербургского университета по отделению камеральных наук, грек по происхождению, сын крупнейшего в то время промышленника, купца и домовладельца Дмитрия Бенардаки.[6] Так возникло научно-производственное рыбоводное Товарищество, собственностью которого стал Никольский завод. Организация Товарищества дала хорошую разрядку. Взносы компаньонов, составившие 41 000 рублей, помогли Врасскому продвинуть далеко вперед задуманную им коренную перестройку всего завода.

Рыбоводное Товарищество было создано в 1860 г. Но уже через год снова не стало денег, а строительные работы все еще не были доведены до конца. Чтобы их закончить, нужно было еще одно усилие, еще один напряженный рывок.

Тогда Владимир Павлович задумал обратиться к Министерству государственных имуществ, чтобы Товариществу Никольского завода выдали государственную ссуду в 30 000 рублей. С согласия компаньонов он написал прошение о ссуде. И снова, как при выдаче привилегии на речную барку, заработала бюрократическая машина. В министерстве, в департаменте земледелия, разрасталось бумажное дело. С каждым днем пухли две папки с документами о выдаче ссуды на окончание строительства Никольского рыбоводного завода. В конечном итоге это двухтомное дело насчитывало... 1299 листов.

Эти бумаги представили бы большую ценность для изучения истории Никольского завода и биографии его основателя. Они могли бы пролить свет на слишком осторожное отношение правительственных органов к новаторству ученого. Но, к сожалению, эти бумаги, очевидно, не сохранились в архивах. Во всяком случае они до сих пор не разысканы.[7]

---

[5] ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 32, д. 11664, л. 2.

[6] ГИА Лен. обл., ф. 14, оп. 5, д. 153, лл. 11, 12.

[7] ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 27, д. 10128 (в описи пометка: «Выбыло»).

Решение вопроса о выдаче ссуды задерживалось из-за длительных инспекторских обследований Никольского завода. Туда посылали нескольких чиновников, которым поручалось тщательно изучить гарантии к возврату ссуды.

С этой целью на завод приезжал, например, Н. Я. Данилевский, служивший в департаменте земледелия в должности младшего инженера, а затем в должности инспектора.[8] Он известен как неплохой специалист в области рыбоводства, но противник дарвинизма, публицист с консервативными взглядами. Его дилетантские высказывания против эволюционного учения Дарвина позднее сурово критиковал К. А. Тимирязев.

Конечно, Данилевский не мог оценить опыты и всю деятельность новгородского ученого-рыбовода так, как оценили их академик К. М. Бэр, проф. К. Ф. Рулье и другие биологи XIX в. Но и Данилевский не мог не увидеть, сколь замечательно применялась наука к решению задач практического рыболовства. После детального ознакомления с состоянием дел на Никольском заводе инспектор департамента признал, что это — одно из лучших в мире предприятий такого рода.

На основании личных наблюдений Н. Я. Данилевский позднее написал статью «О рыбоводном заведении Врасского», в которой, в частности, говорилось: «Владимиру Павловичу Врасскому суждено было разделить печальную судьбу столь многих русских деятелей, в числе которых он имеет полное право на почетное место по той несокрушимой энергии, с которой преследовал избранную им цель, не жалея ни трудов, ни пожертвований, и достиг наконец таких результатов, каких только можно желать от искусственного оплодотворения рыб и которыми могло бы гордиться любое заведение этого рода в Европе... И хотя сам г. Врасский не успел воспользоваться плодами трудов своих, мы имеем, однако же, полное право надеяться, что труды эти не пропадут, потому что заведение будет продолжать свою деятельность...» (Данилевский, 1863).

В конце 1862 г. в Никольское приезжал министр государственных имуществ М. Н. Муравьев. Коротко вникнув в общую суть нового промысла, он также составил

[8] Там же, д. 7558, л. 1.

Контора Никольского рыбоводного завода (реставрирована после Великой Отечественной войны). Вид из-за Сигового пруда. Фот. К. Ф. Федюкина.

себе высокое мнение о рыбоводном заведении Врасского. В той же статье Н. Данилевского об этом сказано так: «Заведение Врасского в новом его виде получило полный ход только в 1862 году. Оно обратило на себя внимание г. министра государственных имуществ, который посетил его в ноябре истекшего года и нашел все устройство его превосходным в полном смысле слова» (там же).

Из столицы в Никольское наведывались официальные лица. А Владимир Павлович, в свою очередь, не раз побывал в Петербурге, хлопоча о ссуде. В этом «хождении по мукам», т. е. по кабинетам Министерства государственных имуществ и других высоких учреждений, ему помогал И. К. Решеткин. Они бывали и у директора департамента земледелия Д. Д. Неелова, и у самого министра, и у чиновников аппарата. Доказывали, что ссуда на достройку рыбоводного завода нужна не только им, т. е. их Товариществу, — она нужна всей России.

Ведь рыбным промыслом в России были заняты не одни купцы и промышленники, но и несметное число крестьян и других представителей бедного люда. А рыбные запасы в стране заметно убывали. Этого можно было избежать только при условии развития рыбоводства и рыболовства на научных основах. Если хорошо оборудовать Никольский завод, то можно будет обильно заселить рыбой все реки и озера Новгородской, Тверской, Псковской губерний. Это пошло бы на пользу всему населению. Врасский сам верил и других убеждал, что по его почину искусственное разведение рыбы распространится по всей русской земле.

Разумеется, многие официальные лица соглашались с его убедительными доводами. Но все-таки каковы были гарантии к возвращению денег казне? Одних заверений, что ссуда будет погашена сполна и с процентами, и платежных обязательств было мало. В министерстве хотели большего.

В конце концов В. П. Врасскому и его компаньонам пришлось принять все условия, которые выставило министерство. Одно из этих условий предусматривало, что в случае неспособности Товарищества погасить ссуду Никольский рыбоводный завод должен перейти в ведение и в собственность Министерства государственных имуществ. Но В. П. Врасского, подписавшего вместе с И. К. Решеткиным бумагу-обязательство, не страшили

эти условия, он верил в успех своего дела, в будущее процветание Никольского рыбоводного завода.

В декабре 1862 г. выдача ссуды была разрешена. Но расходовать эти 30 000 рублей Владимиру Павловичу уже не довелось.

В том же декабре ученый-рыбовод и еще несколько человек, работников завода, из-под льда вылавливали рыбу на Пестовском озере. Над озером разбушевалась непогода, и в тот день Врасский сильно простудился. Поднялась температура, началось жестокое воспаление легких. Болезнь Владимира Павловича встревожила всех в Никольском. Сестры ученого, беспокоясь за его жизнь, настояли на том, чтобы отправить его в Петербург. Там ему пытались оказать квалифицированную медицинскую помощь, но безуспешно.

Владимир Павлович Врасский умер 29 декабря 1862 г.,[9] по новому стилю — 10 января 1863 г. Умер в возрасте 33 лет, в полном расцвете сил и таланта. Обряд отпевания состоялся 2 (14) января 1863 г. в Вознесенской церкви, откуда тело покойного на лошадях отправили на родину. Там, в селе Пестово (в двух верстах от Никольского), у стен Пестовской церкви, похоронили Врасского рядом с могилой его матери. Гроб с телом покойного был замурован в каменном склепе. Над могилой друзья соорудили крышу в виде часовенного купола.

Так выглядел скромный памятник на могиле ученого. Но прав был О. А. Гримм, который писал: «В. П. Врасский сам воздвиг себе памятник, нерукотворный и неразрушимый, — его заслуга перед отечеством, которое должно им гордиться, и перед человечеством, пользующимся его трудами, всеми признана, и память о нем будет всегда жива» (Гримм, 1905).

Слишком рано, безвременно оборвалась кипучая жизнь замечательного человека, пытливого ученого-новатора. Он не успел сделать многое из того, что мог бы свершить при столь глубоком уме, редком таланте и трудолюбии. Но и то, что он создал и оставил людям, неоценимо и незабываемо.

---

[9] В литературных источниках о дате смерти В. П. Врасского много неточностей, особенно в словарях. Так, в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона указано, что он умер в 1869 г. Менее грубая, но тоже явная ошибка допущена в ряде других словарей, где указана неверная дата.

ЗА ЧЕРТОЙ ЕГО ЖИЗНИ

Перед тем как подвести итог жизни и деятельности В. П. Врасского, быть может, уместно задаться вопросом: а как же все-таки решился тот спор, что состоялся на студенческой пирушке в Дерпте? За кем осталась победа?

Для себя лично Врасский не нажил ста тысяч. Он ничего для себя не нажил, кроме друзей, знаний и авторитета первооткрывателя. А материально... материально он почти разорил семью. Не восстановил своих затрат, не успел воспользоваться результатами своих трудов. Но спор он все-таки выиграл.

Какова судьба того банкира, который выше всех ценностей на свете ставил собственные деньги? В тогдашнюю печать проникали слухи, что его частный банк потерпел банкротство (Гримм, 1889). А если ему и удалось восстановить свои капиталы и стать пайщиком и директором международного коммерческого банка, то что из того? Общество от этого получило немного.

Знания, талант и труд Врасского принесли огромную пользу стране и всему миру. Эту пользу не исчислишь в рублях. Но даже в прямом смысле выигрыш в конце концов был за Врасским: основанный им Никольский рыбоводный завод через десяток лет начал приносить большие доходы, — правда, не ему, но государству. Так было лишний раз доказано торжество разума и труда над корыстолюбием.

Но если отвлечься от этого спора, о котором мы здесь упомянули лишь между прочим, и посмотреть на научную и практическую деятельность В. П. Врасского более широко, то основные итоги этой кипучей деятельности, видимо, можно свести к следующему.

1. Отказавшись от государственной службы, он в числе немногих думающих землевладельцев стал вести сельское хозяйство на научных основах. Это было начато в отсталой аграрной стране, и этот пример имел определенное прогрессивное значение для судеб русской деревни.

2. Как рыбовод, он заслужил уважение уже одним тем, что смело и бескорыстно начал развивать в условиях России новое и очень полезное дело — искусственное разведение рыб в реках, озерах и морях, чем принес большую пользу.

3. На первых порах своей научной деятельности он нашел и разработал простой и эффективный способ кормления мальков и взрослых рыб в искусственных водо-

В. П. Врасский. Портрет, впервые опубликованный в журнале «Вестник рыбопромышленности» в 1889 г.

емах. Для научного рыбоводства это имело немаловажное значение.

4. Врасский разработал наиболее эффективные методы сортировки и инкубации икры. Благодаря его методу инкубации икры стало возможным убыстрять или замедлять выход личинок рыб путем произвольного из-

менения температуры воды. Это тоже имело большое практическое значение в решении проблемы кормления молоди.

5. Он открыл и разработал способы длительного хранения половых продуктов рыб без воды в различных температурных условиях. В частности, им найден способ сохранения оплодотворенной рыбьей икры для перевозки на дальние расстояния.

6. Самым главным итогом его научных изысканий явилось открытие и усовершенствование оригинального метода искусственного оплодотворения икры — метода, которым пользовались и пользуются рыбоводы всех стран. Это открытие получило всеобщее признание и всемирное применение. Обычно в литературе называют В. П. Врасского основоположником научно поставленного промышленного рыбоводства в России. По традиции эти слова повторяли и мы. Но не пора ли задуматься: а почему, собственно, он основоположник только для России? Ведь неопровержимо то, что искусственное рыбоводство стало по-настоящему научным и рентабельным только тогда, когда на рыбоводных заводах Европы, Америки и других континентов начали применять метод Врасского. Следовательно, можно с полным правом утверждать, что новгородский ученый-опытник был основоположником научного рыбоводства вообще, а не только в России.

7. Он успешно разрабатывал метод гибридизации рыб. В этом отношении его работа была прологом тех великих успехов, которых в более позднее время достигли биологи — преобразователи природы.

8. В. П. Врасский оставил после себя прекрасно оборудованный рыбоводный завод, ставший еще при жизни его основателя главным центром научно-исследовательской работы по рыборазведению в нашей стране. Сто с лишним лет тому назад на заводе была создана система прудов, которая и теперь может служить примером умной, талантливой планировки. На наш взгляд, в Никольском было бы полезно побывать и архитекторам, и специалистам по декоративному лесоводству, и строителям рыборазводных и других местных гидротехнических сооружений. Это обогатило бы их опыт и художественный вкус.

9. Основатель Никольского завода изобрел очень своеобразную барку (или садок) для перевозки живой рыбы.

Этот его опыт — опыт технического изобретателя — также не пропал даром. Он оставил свой след в дальнейшем совершенствовании технических средств транспортировки рыбы по рекам и озерам страны.

10. Наконец, он оставил людям моральные ценности — прежде всего пример увлеченности, горения на работе, вдохновения, пример бескорыстного служения науке и родине. Этот пример и в наши дни может и должен увлекать молодых на научные поиски.

Таковы основные итоги научной и производственной деятельности Владимира Павловича Врасского. Они сами по себе говорят о незаурядности этого человека, сошедшего в могилу слишком рано. После его смерти дело, которому он отдал свой талант и свою жизнь, стало успешно развиваться, получило новый размах. У него были достойные последователи. Они чтили его память, развивали его традиции в науке и практике рыбоводства.

Но были в те времена и мелкие завистники, которые пытались замолчать заслуги Врасского и даже приписать себе честь открытия так называемого сухого метода осеменения икры рыб. Такие люди нашлись в ряде стран Европы и в США. Это были, например, Фогт, Шанне, Сэс-Грин. В России попытку плагиата предпринял уже известный нам Юлиус Кнох.

Впервые он заявил о своем мнимом «праве» на открытие сухого способа осеменения икры еще при жизни Врасского, в 1859 г. В одной из своих статей он написал: «Изучив, три года тому назад, весьма удобный способ оплодотворения икры, открытый мною при помощи микроскопических наблюдений, я сообщил его г. Врасскому, который с тех пор постоянно стремится обогатить свои воды по этому способу...» (Кнох, 1859).

В то время никто не обратил особого внимания на это, мягко выражаясь, очень нескромное заявление. Приоритет Врасского в открытии методов искусственного разведения рыб был очевиден и неоспорим. Сам основоположник научного рыбоводства нисколько не опасался за свое право первооткрывателя и поэтому не считал нужным протестовать против необоснованной претензии Кноха. Кроме того, им руководило, как позднее отмечал О. А. Гримм, простое человеческое чувство благодарности к петербургскому врачу и эмбриологу, который в свое

время предоставил в распоряжение основателя Никольского завода свой микроскоп и помогал ему в экспериментальных микроскопических наблюдениях.

Но почти через 18 лет после смерти Врасского, когда он, естественно, не мог защитить свое авторство, Кнох начал более настойчиво, более нагло покушаться на чужое изобретение. В 1880 г. на международной выставке рыбоводства, которая проводилась в Берлине, он опубликовал рекламу, содержавшую такие слова: «Вследствие посещения Никольского рыбоводного завода для отыскания более целесообразного метода искусственного оплодотворения икры лососей и форелей, мне удалось с помощью микроскопа открыть весьма хороший метод, введенный в Швеции, Норвегии и Финляндии, — так называемый сухой способ оплодотворения икры лососей и сигов» (Протокол заседания Зоологического отделения, 1881). Тогда же в издании Берлинского общества рыбоводов Кнох опубликовал заметку, в которой не только приписывал себе честь открытия сухого способа осеменения икры рыб, но и начисто отрицал какое-либо участие Врасского в этом открытии.

Этот бесчестный поступок вызвал возмущение в среде ученых-биологов, отлично знавших историю открытия основных методов искусственного рыбоводства. Самым решительным борцом за истину в этом вопросе оказался д-р Гримм, в то время уже заведовавший Никольским рыбоводным заводом. В начале сентября 1880 г. он опубликовал в газете «Голос» корреспонденцию, в которой гневно заклеймил недостойное поведение Ю. Х. Кноха. О. А. Гримм писал, что авторство Врасского в открытии сухого (или русского) метода искусственного осеменения икры рыб давно доказано, в том числе печатно, в сочинении самого основоположника научного рыбоводства, а также в произведениях академика Бэра, профессоров Рулье и Кесслера и других видных ученых. «Я считаю своим долгом, — заключал О. А. Гримм, — потребовать от него (Кноха, — *К. Ф.*) или несомненных доказательств его правоты, или же печатного заявления, что он отказывается от заявленных им претензий на открытие сухого способа оплодотворения рыб» (Гримм, 1880).

Вместо отказа от необоснованной претензии Ю. Кнох прислал в редакцию газеты письмо, в котором продолжал

Пруды Никольского рыбоводного завода летом. Фот. К. Ф. Федюкина.

упорствовать и доказывать недоказуемое. Тогда продолжение спора было перенесено в Петербургское общество естествоиспытателей. Зоологическое отделение этого общества взяло на себя роль третейского суда, на что Кнох дал свое согласие, видимо рассчитывая на поддержку некоторых ученых. Но на первом же заседании отделения — 22 ноября 1880 г. он, как и следовало ожидать, потерпел поражение.

На этом заседании О. А. Гримм сделал доклад под названием: «Кто должен считаться изобретателем сухого способа оплодотворения рыбьей икры?». Докладчик вновь изложил историю открытия этого способа покойным Владимиром Павловичем Врасским. Рассказал о бесспорном признании авторства за В. П. Врасским в сочинениях виднейших ученых, а также о том, что именно Врасский, а не Кнох, за открытие метода искусственного рыбоводства получил золотые медали от Московского общества сельского хозяйства и от Парижского Комитета акклиматизации. Далее докладчик раскрыл несостоятельность «аргументов» Кноха, которые он сводил по существу к одним ссылкам на собственные статьи. Не отрицая некоторых услуг, оказанных Кнохом основателю Никольского завода, О. А. Гримм убедительно доказал, что эти услуги довольно скромны и не дают Кноху никакого права претендовать на роль первооткрывателя.

«Теперь я должен, — говорил О. А. Гримм, — поставить вопрос: какое исследование, производившееся Врасским вместе с Кнохом или одним Врасским, т. е. исследование микроскопическое или экспериментальное, имело в данном случае решающее значение? Я полагаю, что для всякого, сколько-нибудь понимающего дело, совершенно ясно, что задача Врасского должна была и могла быть решена только путем опыта, каким и шел Врасский; микроскопические же исследования могли иметь значение только второстепенное, дополнительное, так как они только разъясняли результаты, добытые экспериментом» (Гримм, 1881).

После доклада на заседании выступил Кнох, который путался даже в чисто профессиональных вопросах, противоречил сам себе. В частности, на заседании Зоологического отделения он заявил, будто совсем не знал, что В. П. Врасский в свое время был награжден за свои открытия двумя золотыми медалями. Между тем сам же

Кнох еще в 1859 г. писал: «Тогда г-н Враски [1] был представлен Московскому экономическому обществу, которое наградило его золотой медалью, а в настоящее время он удостоен награды также в Париже» (Кнох, 1859).

В ходе заседания выяснилось также, что Кнох в 1869 г. пытался присвоить себе некоторые открытия академика Ф. В. Овсянникова, а в 1871 г. — результаты исследований Э. Д. Пельцама по анатомии мальков стерляди. Все эти неприглядные факты говорили против Кноха, и участники заседания решительно поддержали Гримма, отстаивавшего справедливость. Особенно активно заведующего Никольским заводом поддерживал проф. М. Н. Богданов. После заседания он, по желанию Ю. Х. Кноха и председателя Зоологического отделения Н. П. Вагнера, написал письмо в Москву профессору С. А. Усову с просьбой высказать свое мнение по существу спора. В своем ответе московский ученый написал:

«В 1855 году [2] К. Ф. Рулье, я и Я. А. Борзенков осматривали рыбный завод покойного Врасского. При посещении нашем Врасский показывал способ сухого оплодотворения икры, подробно разъяснял значение его, но при этом о докторе Кнохе не говорилось вовсе. Через год Врасский был в Москве и посетил меня. В этот раз он говорил, что некто Кнох занимался на его заводе эмбриологическими наблюдениями и ему, Врасскому, был полезен многими указаниями... Из слов Врасского можно было заключить, что способ сухого оплодотворения принадлежит ему (Врасскому)» (Протокол заседания Зоологического отделения, 1881).

Одним словом, О. А. Гримму, М. Н. Богданову, С. А. Усову и другим передовым ученым сравнительно легко удалось отстоять истину от покушений со стороны настойчивого фальсификатора. Зоологическое отделение на своем заседании 24 января 1881 г. вновь высказалось за безусловное признание В. П. Врасского автором русского метода искусственного оплодотворения икры рыб. А менее чем за месяц до этого собрание Петербургского общества естествоиспытателей также отвергло притязания Кноха и решительно поддержало позицию д-ра Гримма и Зоологического отделения. В так называемом

---

[1] Так в рукописи Кноха.

[2] Это ошибка памяти: фактически — в 1857 г.

«Отчете секретаря за 1880 год», утвержденном на собрании Общества, было сказано:

«Зоологическое отделение приняло на себя роль третейского судьи в споре, возникшем между О. А. Гриммом и доктором Юлиусом Кнохом, по вопросу о том, кого следует считать изобретателем сухого способа оплодотворения рыбьей икры, покойного ли В. П. Врасского или же д-ра Кноха. Отделение огромным большинством высказалось в пользу г. Врасского» (Протокол общего собрания, 1881).

Так закончилась неприятная история, затеянная Кнохом. Но если не считать этого эпизода, все остальные ученые и практики, работавшие в области ихтиологии и рыбоводства, всегда с глубоким почтением относились к заслугам и к имени рано умершего Владимира Павловича Врасского. В предыдущих главах мы приводили высказывания видных ученых и публицистов, высоко оценивших научные открытия и практическую деятельность основателя Никольского рыбоводного завода. Эти оценки можно было бы продолжить.

Проф. К. Ф. Кесслер в одной из лекций, читанных им в Вольном экономическом обществе, говорил, что «имя В. П. Врасского навсегда займет почетное место в ряду полезных русских деятелей» (Кесслер, 1863). В первой биографии ученого-рыбовода, составленной В. П. Ласковским, можно прочитать такие строчки: «В лице Владимира Павловича Врасского дело рыбоводства потеряло весьма много, так как его знание, его опытность и неутомимость и, наконец, его глубокая преданность своей идее обещали в будущем еще ряд таких же важных открытий, как сухое оплодотворение, составляющее своего рода эпоху в рыбоводстве. Россия же понесла в лице Врасского незаменимую утрату...» (Ласковский, 1889).

А вот как оценивается деятельность основоположника научного рыбоводства в современной литературе. В докладе на Всесоюзном совещании по рыбоводству в 1954 г. проф. М. И. Тихий отметил: «Настоящее совещание совпадает со столетием первых опытов искусственного оплодотворения икры, связанных с именем В. П. Врасского, зачинателя рыборазведения в общественных водоемах, положившего своими опытами основание первому отечественному рыбоводному заводу в с. Никольском Новгородской губернии... Врасский был душой Никольского

завода» (Тихий, 1954). Наконец, у П. Н. Скаткина читаем: «Весьма удачное сочетание теоретических исследований с практической деятельностью и обусловило успешное решение Врасским многих важных проблем искусственного разведения рыб, что послужило основой дальнейшего развития рыбоводства в России и способствовало перестройке на новых научных основах разведения рыб за рубежом» (Скаткин, 1962).

Эти оценки имеют важное значение для истории русского рыбоводства. Но необходимо отметить, что ученики и последователи Врасского успешно развивали и продолжают развивать начатое им дело искусственного разведения рыб. После смерти Владимира Павловича рыбоводным заводом в Никольском некоторое время управлял И. К. Решеткин. Но дело у него, да и вообще у Товарищества, как-то «не пошло», и завод в 1865 г. перешел в ведение и в собственность казны, т. е. Министерства государственных имуществ.

Заведующим был назначен М. К. Репинский, инспектор департамента сельского хозяйства. Не будучи большим специалистом в вопросах рыбоводства, он обладал, однако, хорошими организаторскими способностями и сумел наладить работу завода на надлежащем уровне. После его смерти, в 1879 г., заведование рыбоводным заводом принял на себя О. А. Гримм, известный зоолог, который одновременно преподавал в Петербургском университете и был доцентом, а затем заведующим кафедрой зоологии Петербургского лесного института. Он руководил научными и производственными работами в Никольском до 1912 г. Его помощником был гидролог А. А. Лебединцев, который затем сменил Гримма на посту заведующего.

Во второй половине XIX в. и в начале нашего столетия Никольский завод оставался главным научным центром рыбоводства в России, особенно при заведовании О. А. Гримма и А. А. Лебединцева. Росли масштабы научных и производственных работ. В 1881 г. был открыт филиал Никольского рыбоводного завода при Сельскохозяйственном музее в Петербурге, а несколько позднее — еще четыре отделения: на реке Луге в Петербургской губернии, в Юрьеве (бывшем Дерпте), на реке Куре в Закавказье и, наконец, в Уфе. За плодотворную деятельность завод несколько раз награждался золотыми

медалями, почетными дипломами на всероссийских и международных рыбопромышленных выставках. Серьезное участие в научных работах того времени, проводившихся в Никольском, принимали И. Н. Арнольд, И. В. Кучин, В. А. Гейнеман, А. С. Скориков и другие ученые. Позднее на заводе работал Н. И. Кожин.

В наши дни Никольский рыбоводный завод тоже успешно действует, хотя он утратил прежнее научное значение и выполняет в основном производственные функции. Завод изменился, время накладывает на него свои отпечатки, свои приметы. Но все-таки он очень много сохранил от того, каким был сто с лишним лет назад. По сути дела, здесь все напоминает о Врасском, все дышит его памятью. И перестроенное здание завода, и плотины заводских водоемов сохраняют следы его трудов. Одна могучая, развесистая липа когда-то была посажена руками В. П. Врасского. Жители поселка бережно охраняют ее, как редкую и дорогую реликвию.

Но многое в Никольском вызывает досаду. Например, здесь очень плохие дороги. Кажется, они не ремонтировались десятки лет. Особенно скверно выглядит дорога в сторону Валдая.

Глубоко огорчает состояние могилы Владимира Павловича. Она была разрушена во время войны и долгие годы не восстанавливалась. Только совсем недавно там кое-что сделано, но именно кое-что.

Вообще давно настала пора увековечить память В. П. Врасского, замечательного ихтиолога, основоположника научного рыбоводства. Было бы справедливо по крайней мере присвоить Никольскому рыбоводному заводу имя его основателя. Этому имени долго жить в памяти людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аничков И. В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. § 41 — Новогеоргиевское. Новгород, 1916, стр. 41—43.

(Аноним). Никольский рыбоводный завод. СПб., 1902.

Банина Н. Н. К. Ф. Кесслер и его роль в развитии биологии в России. М.—Л., 1962.

Биографический словарь деятелей естествознания и техники, т. 1. М., 1958, стр. 189, 264—265.

Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского университета, т. 1. Юрьев, 1902; т. 2, 1903.

Богданов М. Н. Карл Федорович Кесслер. Биография. Тр. Петерб. общ. естествоисп., т. XII, вып. 2, 1882, стр. 297—351.

Богословский Н. Рыболовство и рыбоводство в Новгородской губернии. Новгородский сборник, 1865, вып. III, стр. 25—40 (раздел «Никольский рыборазводный завод г. Врасского»).

Большая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 9, стр. 237.

Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей, т. 1. СПб., 1900, стр. 656.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 1. Изд. 2. Пгр., 1915, стр. 153.

Гаксо. Искусственное оплодотворение и размножение всякого рода рыб, чрезвычайно любопытное и полезное открытие новейшего времени. СПб., 1859.

Гильзен К. К. Материалы по исследованию грунта прудов Никольского завода в Новгородской губернии Демянского уезда. Из Никольского рыбоводного завода, вып. 13, СПб., 1911, стр. 39—65.

Голубев А. Кн. А. Н. Васильчиков. Биографический очерк. СПб., 1882.

Греч А. Весь Петербург в кармане. СПб., 1851.

Гримм О. А. Беседы о прудовом хозяйстве. Пгр., 1921.

Гримм О. А. Дополнение к статье В. П. Ласковского. Вестник рыбопром., 1889, № 1, стр. 37—38.
Гримм О. А. Корреспонденция из Никольского рыбоводного завода. Голос, 1880, 9 сентября, № 249, стр. 2—3.
Гримм О. А. Кто должен считаться изобретателем сухого способа оплодотворения рыбьей икры? Тр. Петерб. общ. естествоиспыт., т. XII, вып. 1, 1881, стр. 31—42.
Данилевский Н. Я. О рыбоводном заведении Врасского. Земледельческая газета, 1863, 8 февраля, № 6, стр. 82—84.
Долгоруков П. Российская родословная книга, ч. 4. СПб., 1854, стр. 124—156, 353 (гл. «Врасские» и «Жеребцовы»).
Донесение членов Комиссии для освидетельствования рыбного завода г. Врасского. Составлено К. Ф. Рулье, С. А. Усовым и Я. А. Борзенковым. Журнал сельского хозяйства, 1857, № 11, стр. 71—91.
Извлечение из переписки с В. П. Врасским. Зап. Комитета акклим. животных, 1859, кн. 1, стр. 120—130; Новгородский сборник, вып. III, 1965, стр. 26—35.
Иордан Ф. И. Записки ректора и профессора имп. Академии художеств, гл. XLIII. Русская старина, т. 72, 1891, стр. 121—124.
Кесслер К. Ф. Заметки об искусственном размножении рыб и о русских рыболовных заведениях. (Окончание). Тр. Вольного экон. общ., т. 4, 1863, вып. I, стр. 12—23.
Кесслер К. Ф. Лекции по естественной истории рыб, читанные в Вольном экономическом обществе весною 1863 года. Тр. Вольного экон. общ., т. 4, 1863, вып. V, стр. 347—362.
Кнох Ю. Х. О разведении рыб на Валдае искусственным образом. Экон. записки, 1859, 10 октября, № 41, стр. 324—326.
Кнох Ю. Х. Дополнение к описанию Валдайского заведения искусственного разведения рыбы. Экон. записки, 1859, 21 ноября, № 47, стр. 374, 376.
Кнох Ю. Х. Письмо в газету «Голос». Голос, 1880, 22 сентября, № 262, стр. 2.
К портрету В. П. Врасского. (Редакционная). Вестник рыбопром., 1889, № 6—7, стр. 230—231.
Кучин И. В. Обзор мероприятий по развитию рыбоводства и по упорядочению рыбного промысла в Новгородской губернии. Новгород, 1904.
Лебединцев А. А. Значение Никольского рыбоводного завода и надлежащая постановка его деятельности. Тр. совещ. по рыбоводству, созванного департ. земледелия в 1913 году, ч. 2, вып. 1, Пгр., 1914, стр. 164—178.
Малая Советская Энциклопедия, изд. 3, т. 2, стр. 636.
Малышев П. Опыт искусственного оплодотворения рыб (pisciculturа), произведенный над налимами в Нижне-Тагильском заводе. Экон. записки, 1856, 21 июля, № 29, стр. 225—228.
Материалы к познанию русского рыболовства. Журнал состоявшегося в декабре 1915 года совещания по вопросам государственного рыбоводства, т. V, вып. 10, Пгр., 1916, стр. 9—19 (гл. «Методы работы»).
Мещерский А. В. Из моей старины. Воспоминания. Русский архив, 1901, кн. 1, вып. 1—4, стр. 95—97.

Обзор деятельности имп. Дерптского университета. Дерпт, 1966, стр. 73, 81, 98, 115—116, 136—138.
Открытие Комитета акклиматизации животных при Московском обществе сельского хозяйства. Журнал сельского хозяйства, 1857, № 3, стр. 133—140.
Отчет Московского общества сельского хозяйства за 1857 год. Журнал сельского хозяйства, 1858, № 1, стр. 11—24.
Памятная книжка Новгородской губернии на 1871 год. Новгород, 1871, стр. 124—136.
Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет существования, т. 1. Юрьев, 1902.
Привилегия, выданная на имя отставного коллежского секретаря Врасского. Журнал Мин. гос. имуществ, ч. XXI, 1859, кн. VIII, стр. 275—278; Сенатские ведомости, 1859, 10 апреля, № 29, стр. 380—381.
Протокол экстраординарного собрания Комитетов акклиматизации растений и животных 23 июля 1857 г. Журнал сельского хозяйства, 1857, № 8, стр. 74—87.
Протокол заседания Московского общества сельского хозяйства 16 ноября 1857 г. Журнал сельского хозяйства, 1857, № 11, стр. 100—104.
Протокол годичного собрания Общества. 25 января 1858 г. Журнал сельского хозяйства, 1858, вып. 1, стр. 3—10.
Протокол заседания Зоологического отделения в субботу 22 ноября 1880 г. Тр. Петерб. общ. естествоисп., т. XII, 1881, вып. 1, стр. 31—52.
Протокол заседания Зоологического отделения 24 января 1881 г. Тр. Петерб. общ. естествоисп., т. XII, 1881, вып. 1, стр. 56—59.
Протокол общего собрания 28 декабря 1880 г. Тр. Петерб. общ. естествоисп., т. XII, 1881, вып. 1, стр. 111—119.
Протокол экстренного общего собрания Российского общества рыбоводства и рыболовства, посвященного памяти первого русского рыбовода В. П. Врасского по случаю исполнившегося 50-летия со времени его первых опытов искусственного оплодотворения икры. 6 декабря 1904 г. Вестник рыбопром., 1905, № 3, стр. 179—185.
Путеводитель. 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и прочая. СПб., 1854.
Пушкарев Н. Н. Из истории искусственного рыбоводства в России. Сельское хозяйство и лесоводство, т. CCXVIII, 1905, вып. 8, стр. 467—475.
Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Озерная область. Т. 3, гл. VI. СПб., 1900, стр. 155—160.
Руммель В. В. и Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II. СПб., 1886, стр. 487—511 (раздел «Толстые, графы и дворяне»).
Русский провинциальный некрополь, т. 1. М., 1914.
Скаткин П. Н. Биологические основы искусственного рыборазведения. Исторический очерк. М., 1962, стр. 87—111.
Скаткин П. Н. История изучения биологии размножения рыб и создания метода их искусственного разведения в XVIII

и XIX вв. Тр. Инст. истории естествозн. и техники, т. 23, 1959, вып. 4, стр. 42—92.
Сомов М. П. Рыбоводство. В кн.: Естественные производительные силы России, т. VI, отд. III, вып. 24, Пгр., 1922, стр. 1—68.
Судакевич Ф. С. Обзор искусственного рыбоводства за границей и в России. СПб., 1869, стр. 54—78.
Тихий М. И. Столетие Никольского рыбоводного завода. Тр. совещ. по рыбоводству, М., 1954, стр. 38—45.
Труды совещания по рыбоводству, созванного департаментом земледелия в 1913 году. Введение. СПб., 1914, стр. 1—11.
Fraas K. Die künstliche Fischerzeugung nach den Erfahrungen der Künstlichen Fischzuchtanstalt des General-Komite des Landwirtschaftlichen verains von Bauern an der K. Centralthierarzneischule zu München. München, 1854, 82 p.
Чернявский Т. Приложения к генеологии господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. № 222 — Врасские. Рукопись, библ. ЦГИАЛ, стр. 36.
Черфас Б. И. Рыбоводство в естественных водоемах. М., 1956, стр. 6—7.
Экстраординарное заседание Московского общества сельского хозяйства 28 сентября. Журнал сельского хозяйства, 1857, № 10, стр. 3—32.
Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 7 (13), стр. 340—341.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5
Корни старинного рода 11
В Дерпте 14
Новый сельский хозяин 21
«Для отечества и для себя» 28
Основание рыбоводного завода 39
«Это не фантазия, а факт!» 44
Продолжение поиска 55
Признание в ученом мире 63
Устройство завода. Система прудов . . 70
Речная барка Врасского 78
Рыбоводное Товарищество 83
За чертой его жизни 92
Библиография 103

Константин Федорович Федюкин

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ ВРАСССКИЙ

Утверждено к печати
редакционной коллегией научно-биографической серии
Академии наук СССР

Редактор издательства *Ф. И. Кричевская*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректор *Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 27/X 1969 г. Подписано к печати 8/IV 1970 г. РИСО АН СССР № 10-214В. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бум. л. 1¹¹/₁₆. Печ. л. 3³/₈ = 4.72 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 5.62. Изд. № 4114. Тип. зак. № 538. М-17660. Тираж 3 700. Бумага № 2. *Цена 34 коп.*

Ленинградское отделение
издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В магазинах конторы «Академкнига» имеются в наличии книги:

Васильченко И. Т. Иван Владимирович Мичурин. (1855—1935). 1963. 329 стр. Цена 1 р. 26 к.

Канаев И. И. Жорж Луи Леклер де Бюффон. (1707—1788). 1966. 267 стр. с илл. Цена 1 р. 11 к.

Манойленко К. В. (Рязанская). А. Ф. Баталин — выдающийся русский ботаник XIX века. 1962. 132 стр. Цена 52 к.

Райков Б. Е. Христиан Пандер — выдающийся биолог-эволюционист. (1794—1865). 1964. 98 стр. Цена 25 к.

Финкельштейн Е. А. Василий Яковлевич Данилевский — выдающийся русский биолог, физиолог и протистолог. (1852—1939). 1955. 292 стр. Цена 57 к.

Ярошевский М. Г. Иван Михайлович Сеченов. (1829—1905). 1968. 424 стр. Цена 1 р. 56 к.

Заказы на книги направляйте по адресу:

Москва, В-463, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига».

Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57, магазин «Книга — почтой».

34 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ